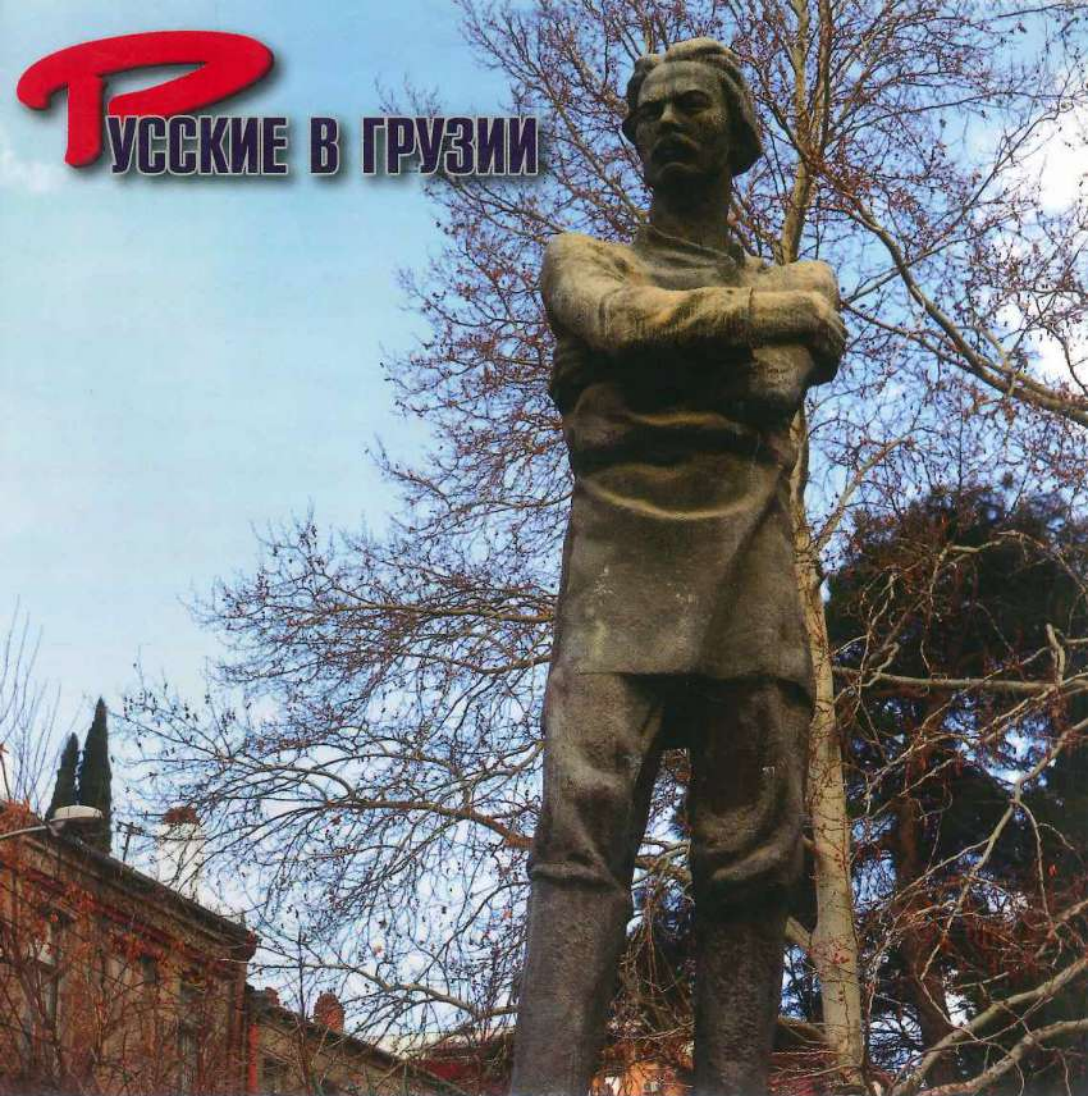

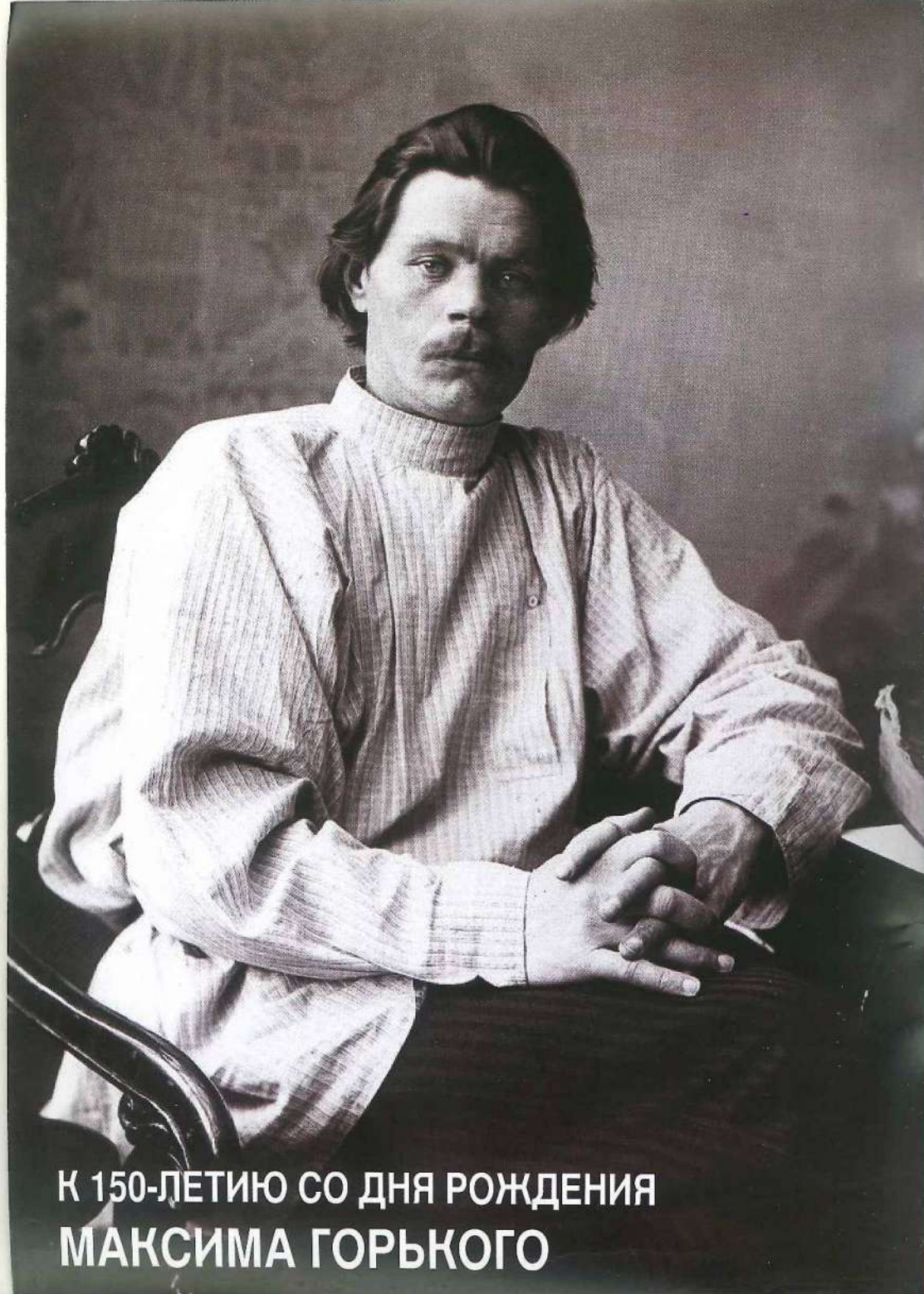
РУССКИЕ В ГРУЗИИ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

**«ТОЛЧОК,
КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ
ИЗ БРОДЯГИ
ЛИТЕРАТОРА»**

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
МАКСИМА ГОРЬКОГО

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«ТОЛЧОК, КОТОРЫЙ
СДЕЛАЛ ИЗ БРОДЯГИ
ЛИТЕРАТОРА»
МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Тбилиси
2018

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресны заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

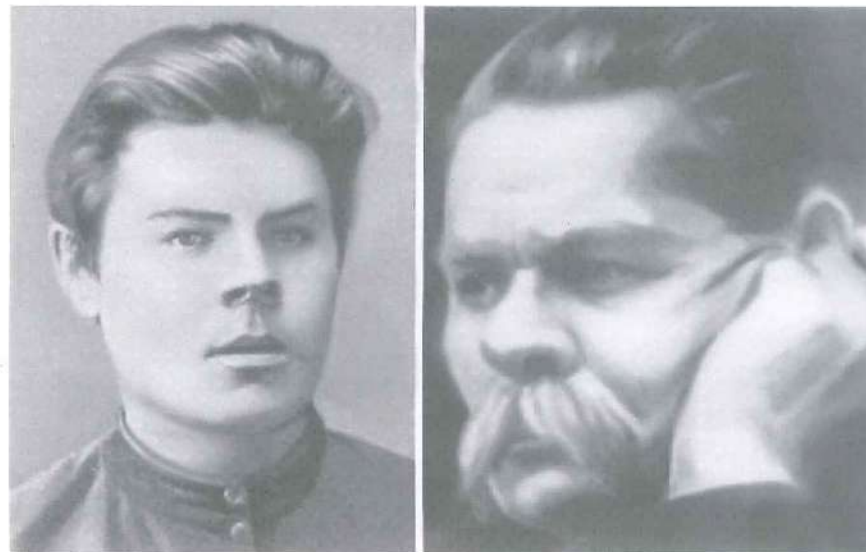
Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

© **Русский клуб**. 2018

ISBN 978-9941-8-0588-2

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Среди десятков иноземных знаменитостей, стремившихся в Грузию и в разгар своей славы, и еще лишь в ее преддверии, этот человек выделяется дважды. Во-первых, он пришел сюда пешком – принципиально, презрев все транспортные средства, которыми отнюдь не был беден конец XIX века. А во-вторых, войдя в Тифлис под никому не известным именем, именно здесь он обрел другое, ставшее частью мировой культуры. Первое имя – Алексей Пешков, вто-

рое – Максим Горький.

За полгода он прошел огромное расстояние. Прodelанный им путь потрясает даже в кратком изложении писателя и литературоведа Павла Басинского: «В это время Пешков странствовал по Руси. Вот его примерный маршрут. Уходит из Нижнего Новгорода. Обходит Поволжье, Дон, Украину, Крым, Кавказ. Посещает Казань, Царицын, живет на станции Филоново Грязе-Царицынской железной дороги. Приходит в Ростов-на-Дону,

А. Пешков перед отправлением в странствие

работает грузчиком. Из Ростова идет в Харьков. Из Харькова — в Рыжовский (Куражский) монастырь, затем в Курск. Из Курска идет в Задонск. Посещает монастырь Тихона Задонского. Идет в Воронеж. Возвращается в Харьков. Идет в Полтаву, из Полтавы через Сорочинцы — в Миргород. Посещает Киев. Идет в Николаев. Приходит в село Кандыбово Николаевского уезда. Избит мужиками. После николаевской больницы идет в Одессу. Проходя Очаков, работает на добыче соли. Путешествует по Бессарабии, возвращается в Одессу. Идет в Херсон, Симферополь, Севастополь, Ялту, Алупку, Керчь, Тамань. Приходит на Кубань. Арестован в Майкопе «как проходящий». Беслан, Терская область, Мухет. Снова арестован. Идет в Тифлис...».

Оставим на совести господина Басинского сообщение о никому не известном населенном пункте Мухет. Может, автор имел в виду Мцхет (русифицированное название Мцхеты)? Но об аресте Пешкова там, в древней

столице Грузии, нет никаких сообщений... Впрочем, обратимся к тому, что было на самом деле с будущим «буревестником революции» на подходе к Грузии.

В его котомке — тетрадки со стихами, хотя, по собственным словам, он «решил не писать больше ни стихов, ни прозы и действительно все время жизни в Нижнем — почти два года — ничего не писал». Это решение принято после того, как писатель Владимир Короленко справедливо, но мягко и доброжелательно раскритиковал его первый литературный опыт. А именно — «превосходную», по мнению самого автора, «поэму в прозе и стихах «Песнь старого дуба»».

Но разве может не писать человек, уже познавший вкус творчества, переполненный впечатлениями, идеями и фантазиями! Тем более что

Короленко оставил на обложке рукописи такое резюме: «По «Песне» трудно судить о ваших способностях, но, кажется, они у вас есть. Напишите о чем-либо пережитом вами и покажите мне». Да еще, если молодой человек легко раним, пережил разочарование в идеалах, большую безответную любовь и даже попытку самоубийства... Именно все перечисленное, а не только желание «самому пойти посмотреть, как живет «народ», и привело к тому, что Пешков покинул родное Поволжье и оказался в Грузии. Кстати, пережив по дороге немало событий, которые так и хочется изложить на бумаге.

Ему были даны еще два совета. Первый — от красавицы Ольги Каминской, художницы и актрисы-любительницы, которая на одиннадцать лет старше страстно влюбившегося в нее Алексея. Эта женщина, ушедшая от официального мужа к гражданскому, признается, что и юноша ей не безразличен, но связывать с ним свою жизнь она не хочет. И, уезжая в Париж, советует больше не искать встреч с ней. Другой совет дает... психиатр. После того, как химик-философ Николай Васильев чуть не сводит с ума Пешкова, напичкав его философией, погружая в теорию Эмпедокла и ницшеанство. Совет врача прост: «Вам, дружище, прежде всего надо забросить ко всем чертям книжки и вообще всю эту дребедень, которой вы живете! По комплекции вашей вы человек здоровый, и — стыдно вам так распускать себя. Вам необходим физический труд...».

Весной 1891 года Алеша Пешков начинает отмеривать шагами версту за верстой, чтобы «найти в жизни, в людях нечто способное уравновесить тяжесть на сердце... выпрямить себя». В различных концах страны он предстает батраком, рабочим, защит-

ником слабых, просто прохожим. И очень часто — босиком. То есть именно тем, кем и появился в Тифлисе. Вовсе не забросив к чертям книжки и продолжая писать собственные строки — «в котомку», поскольку стола у него не было.

Связь Горького с грузинской столицей воспел (не побоимся этого слова) один из основоположников футуризма, поэт Василий Каменский. Конечно же, в своей неповторимой возвышенной манере, с неизменным для него определением Тифлиса — «солнцедатный». Перед нами — уникальный текст, который не встретишь в собраниях сочинений Каменского. Это — «штучная» работа 1928 года, предисловие к книге Эбергарда Клейна «Горький в Тифлисе», первой в истории работе о связях писателя и Грузии. Давайте прочтем с минимальным сокращением раритетное произведение, напечатанное только в «Издании книжного магазина Всегрузинского союза писателей». Девяносто лет назад.

СОЛНЦЕДАТНЫЙ ТИФЛИС И МАКСИМЫЧ

«Удивительный этот город — солнечная столица Грузии — Тифлис.

Я стихийно понимаю вполне Алексея Максимовича Горького, того прежнего «бродягу Максимыча», когда он «на заре своей юности» пришел пешком в Тифлис, чтобы родиться здесь гениальным писателем.

Из истории мировой литературы, из биографий и воспоминаний великих людей и, наконец, от друзей-свидетелей, окружавших этих «гигантов свободной художественной мысли», мы знаем: какую изумительную, сияющую роль в жизни начинающих гениев играли любимые, избранные города, селения, гнезда, являясь как

Василий Каменский

бы географическим двигателем, первоисточником, основателем, почвой зарождения творчества будущего великого мастера.

И мы знаем также, что не меньшую роль в жизни этих «грядущих избранных» играли те из друзей, чьи сердца были преисполнены беззаветной любовью, а глаза разума умели предвидеть в талантливом юном друге широкие горизонты возможностей.

А счастливое сочетание географического гнезда и дружеского окружения делало «пришедшего в мир для великих дел» окрыленным, стремительным, открывшимся, нашедшим себя на верной дороге высокой жизни.

Юноша Максимыч.

Народоволец Калюжный.

Солнцедатный Тифлис.

Вот истинный триумвират, создавший и родивший нам Максима Горького...

Мне же, поэту, влюбленному в Тифлис, хочется еще раз подчеркнуть свое глубокое убеждение в том, что солнцеевущая столица Грузии, всегда неизменно восхищавшая русских гостей-писателей, явилась для пешехода Максимыча откровением, приютом, колыбелью, любимым избранным городом, где (в доме Калюжного) ему — юноше-Горькому, скитальцу, рано познавшему тяжелую жизнь бедняка, захотелось взять перо и с трепетом написать свой первый рассказ.

И не только написать, но и напечатать в Тифлисе.

И все это было так давно...

Но громадный, вершинный путь мировой славы Максима Горького всегда заставит вспомнить, вернуться к тому горному месту, откуда вышел на всесветный тракт современности наш родной великан русской литературы.

Пусть в наших благодарных глазах веки-вечные, как солнце, сияет имя его, океанское имя, обвеянное ширью и глубиной народного гения.

Василий Каменский»

Пару фамилий, прозвучавших в этой главе, мы встретим также в дальнейшем рассказе о том, как Максим Горький жил в Грузии. Красавица Каминская появилась и в его тифлисской жизни, а народоволец Калюжный и вовсе определил его писательскую судьбу. Впрочем, обо все по порядку.

Конец Военно-Грузинской дороги в Тифлисе

«Я БЫЛ РАД ЧЕМУ-ТО. ШАКРО — РАВНОДУШЕН»

Путь в Грузию начинается для Алексея Пешкова в Одессе. Там в 1891-м, работая портовым грузчиком, он встречает человека, побудившего его отправиться именно в Тифлис. В рассказе «Мой спутник», напечатанном в «Самарской газете» через три с лишним года, Горький называет этого франта, резко выделявшегося среди портового люда, Шакро Птадзе. Накормив изголодавшегося нового знакомого, Алексей узнает его печальную историю. Оказывается, что

тот — князь из Кутаиси, служил конторщиком на Закавказской железной дороге, был обкраден товарищем и, в погоне за воров, через Батуми, очутился в Одессе. Вор найден не был, а незадачливый мститель проел все, что у него было, и остался, как говорится, без средств к существованию.

«Я слушал его рассказ, перемешанный с ругательствами, смотрел на него, верил ему, и мне было жалко мальчика, — ему шел двадцатый год, а по наивности можно было дать еще меньше», — вспоминал писатель. Он уже решил тогда отправиться (конечно, пешком) в Крым и предложил князю идти вместе: если по дороге для того не найдется попутчик, то он сам отведет молодого человека на родину. В пути их обязанности странным образом разделяются: волжанин подрабатывает, где удастся, чтобы добыть пропитание, кутаисец красочно

МОЙ СПУТНИК

I

Встретил я его в одесской гавани. Дня три кряду мое внимание привлекала эта коренастая, плотная фигура и лицо восточного типа, обрамленное красивой бородкой. Он то и дело мелькал предо мной: я видел, как он по целым часам стоял на граните мола, засунув в рот набалдашник трости и тоскливо разглядывая мутную воду гавани черными миндалевидными глазами; десять раз в день он проходил мимо меня походкой беспечного человека. Кто он?.. Я стал следить за ним. Он же, как бы нарочно поддразнивая меня, все чаще и

86

рассказывает ему о Грузии, заявляя, что сам работать не умеет.

«Он меня поработал, — признается Горький. — Я ему поддавался и изучал его, следил за каждой дрожью его физиономии, пытаясь представить себе, где и на чем он остановится в этом процессе захвата чужой личности. Он же чувствовал себя прекрасно, пел, спал и подсмеивался надо мной, когда ему этого хотелось. Иногда мы с ним расходились дня на два, на три в разные стороны; я снабжал его хлебом и деньгами, если они были, и говорил, где ему ожидать меня. Когда мы сходились снова, то он, проводивший меня подозрительно и с грустной злобой, встречал так радостно, торжествуя... Я давал ему есть, рассказывал о красивых местах, которые видел... После каждого возвращения к нему я все больше и ниже падал в его мнению, и он не умел скрывать этого от меня». Но при этом «долго и подробно рисовал прелести жизни, которую собирался устроить

мне у себя в Тифлисе».

И вот, наконец, Тифлис: «Еще издали, верст за пять, я увидел столицу Кавказа, сжатую между двух гор. Конец пути! Я был рад чему-то, Шакро — равнодушен». Потом князь заявляет, что не может появиться в городе днем «такой, рваный, грязный», поэтому надо подождать вечера. «Стемнело. Город зажигал огни. Это было красиво: огоньки постепенно, один за другим, выпрыгивали откуда-то во тьму, окутавшую долину, в которую спрятался город», — таким запоминает Пешков свою первую встречу с Тифлисом, когда они поздней осенью 1891 года входят в город по Военно-Грузинской дороге.

Намного позже, в 1919-м, Алексей Максимович признается: «Множество спутников, подобных Шакро, прошло рядом со мною по различным путям, сбивая меня иногда с моей дороги. Я не жалею о них, не осуждаю себя. Но каждый раз, когда на шею мне садится человек, которого надо было

Станция конки у Верийского моста

куда-то вынести, я нес его, насколько хватало сил и охоты, нес и вспоминал Шакро. Это — спутник мой. Я могу его бросить, но мне не уйти от него, ибо имя ему — легион. Это спутник всей жизни, он до гроба пойдет за мной...». Но в Тифлисе писатель был намного моложе, сидевшим у него на шее имя еще не легион, и, наверное, поэтому в его оценке Шакро нет и следа грустного обобщения: «Я никогда больше не встречал этого человека — моего спутника в течение почти четырех месяцев жизни, но я часто вспоминаю о нем с добрым чувством и веселым смехом.

Он научил меня многому, чего не найдешь в толстых фолиантах, написанных мудрецами, — ибо мудрость жизни всегда глубже и обширнее мудрости людей».

Между тем, у него нет никаких

оснований для того, чтобы в первые часы пребывания в Тифлисе вспоминать князя «с добрым чувством и веселым смехом».

Когда они сели «у стены какого-то пустого здания и, свернув по последней папироске, дрожа от холода, покурили», Алексей думает «о теплой комнате и других преимуществах оседлой жизни пред жизнью кочевой». Однако Шакро решительно увлекает его по Ольгинской улице (ныне — начало улицы Костава) к станции конки у Верийского моста. Затем просит башлык, чтобы закрыть лицо и говорит, что ему нужно заглянуть в один дом — «спросить товарища про своих, отца, мать», что вернется он через один момент. «Он быстро сунулся в какой-то темный и узкий переулок и исчез в нем — навсегда», — пишет Горький, продававший Шакро... ча-

сов шесть.

Потом жуликоватый князь все-таки «всплывает», правда, когда писатель уже покинул Тифлис. Рассказ «Мой спутник» в переводе на грузинский язык осенью 1903-го перепечатывает воскресное приложение к газете «Цнобис пурцели» («Листок известий»). И князь, под своей настоящей фамилией Цулукидзе, появляется в редакции. В первую очередь его интересует, как автор мог узнать такие подробности путешествия «с неким Пешковым». А получив объяснение, он заявляет, что надо напечатать и его версию.

Версия эта была изложена в той же газете 24 октября 1903 года за подписью С-дзе. Она практически полностью совпадает с рассказом Горького, правда, с дополнениями, которые должны скрасить неприглядный образ Шакро. А еще Цулукидзе вспоминает о двух босяках, встреченных ими по дороге. О них же пишет и Горький уже в очерке, так и названном «Два босяка» — эпизоды путешествия в Грузию он использовал и в других произведениях.

«Здесь я должен заметить, что Пешков обходился со мной очень хорошо, — признается Цулукидзе, — с состраданием отзывался о том, что я не привык переносить такие трудности, и, когда хлеба бывало у нас мало, большую часть уделял мне. Вообще, во время путешествия ничего плохого я от него не видел». Князь подтверждает, что не захотел войти в город засветло, опасаясь в неприглядном виде встретить знакомых. Однако при этом утверждает, что со спутником своим всего лишь «как-то разошелся». «После этого о Пешкове я решительно ничего не слышал и не знал, что он переименовал фамилию», — заканчивает он свой рассказ.

Горький откликается на эти объяснения уже через два дня после их опубликования. Ясно, что за этот срок дойти до Нижнего Новгорода газета не могла, да и по-грузински писатель не читал. Очевидно, что он прочел в переводе на русский язык опус Цулукидзе еще до того, как тот был напечатан. То ли сам князь написал ему письмо, то ли в редакции «Цнобис пурцели» решили еще до публикации отправить Алексею Максимовичу связанный с ним текст.

Как бы то ни было, Горький сообщает своему другу, издателю Константину Пятницкому: «Посылаю очень интересный документ, полученный мною сегодня, 26-го октября, в день одиннадцатой годовщины моего писательства. Пишет — Шакро, «Мой спутник». Сохраните это письмо — оно все же подтверждает тот факт, что я не очень много вру». И еще одно высказывание, связанное с образом «Птадзе». На обвинения в том, что в образе Шакро он изобразил и тем самым оскорбил всех грузин, Горький заявил: «Совершенно не имел в виду обижать какой-нибудь народ, тем более грузин. Что вы, что вы! Ведь я и среди русских изображаю хороших и плохих людей».

ПЕРВЫЕ ШАГИ В ТИФЛИСЕ

Впрочем, это — уже отголоски того, как будущий писатель появился в Тифлисе. Поэтому вернемся в хмурым ноябрьский день 1891 года, когда

Ольгинская улица, на которой А. Пешков находился в полицейском участке

Алексей Пешков оказывается один в незнакомом городе, в оборванном виде, практически без денег. Тщетно прождав спутника, он отправился погреться в духан, «немножко подрался» там с пьяными кинто и оказался в полицейском участке, который располагался на той же Ольгинской улице, в доме номер двадцать восемь. Некоторые исследователи пишут, что он был задержан как свидетель некоего уличного скандала, в который ввязался, желая помочь пострадавшему. Но сам Горький признается, что дрался с кинто в духане.

В участке его допрашивает пристав, и Пешков, со своим босяцким видом, оказывается на волоске от больших неприятностей. Чтобы избежать их, необходимо назвать цель появления в Тифлисе и кого-нибудь, кто может удостоверить его личность. Первое имя, пришедшее на ум Алексею, — Михаил Началов, вместе с которым он посещал народолюбческий кружок в Нижнем Новгороде. Этот бывший студент Московского

технического училища до знакомства с Пешковым отсидел пару лет за распространение нелегальной литературы. Потом переехал из Нижнего в Тифлис и вместе с женой находился под негласным надзором полиции.

Ну а порядки в то время такие, что даже находящийся под надзором Началов считается солидным человеком — он служит в Управлении Закавказской железной дороги (ЗКВЖД). А надзор за ним осуществляет тот самый пристав, что допрашивал Пешкова. Так что Началова даже не вызывают в участок — задержанного отправляют с городским к нему на квартиру, он удостоверяет личность «бродяги» и попросту оставляет его у себя. Вообще-то, в Тифлисе у Пешкова есть еще несколько «политически неблагонадежных» знакомых по Нижнему и Казани — Аким Чекин, руководитель того самого кружка, где он познакомился с Началовым, распространители нелегальной литературы Яков Данько и Евгений Добровольский. У первого из них Алексей обретает свое

Феодосиевская церковь

первое жилище в Грузии. И вот с этого момента нам придется все чаще делать уточнения и задавать вопросы, связанные с пребыванием будущего писателя в Тифлисе...

Исследователи, определявшие место жительства Данько, а значит, и Пешкова в районе Вере, называли «Федосеевскую улицу». Но во времена Алексея Максимовича такой улицы не существовало — была Колючая балка. Лишь в декабре 1896-го (через четыре года после отъезда Горького) там, где эта улица встречается с Грибоедовской в конце нынешнего проспекта Руставели, «в доме г-жи Зосиберг, предоставившей бесплатное помещение для устройства молитвенного дома, торжественно был отслужен молебен с водоосвящением святителю Феодосию Углицкому, Черниговскому чудотворцу». Так было положено начало Феодосиевской церкви, впоследствии и давшей

новое название Колючей балке (в советское время — улице Папанина, ныне — Сараджишвили). Советская власть превратила здание церкви в Шахматный клуб, а сейчас там соседствуют «Фонд культуры Грузии» и два кафе — «Галерея» и «Керия».

И знаете, для чего в этом месте открыли храм? Прочтем церковный документ того времени:

«Молитвенный дом во имя святителя Феодосия Черниговского открыт по распоряжению и благословению... экзарха Грузии Высокопреосвященнейшего Владимира в районе г. Тифлиса, заключающем в себе Колючую, Артиллерийскую и Московскую балки, Хлебную горку, а также Грузинский и Габаевский переулки. Причиной к его открытию послужил крайний упадок религиозно-нравственной жизни православных обитателей данной местности, из которых большая часть принадлежит к бедному рабочему люду,

лишенному в свободное от труда время возможности иметь какие-либо разумные развлечения и отдающемуся вследствие этого праздному и губительному разврату во множестве находившихся здесь кабаков, пивных и тайных притонов... Дошло до того, что по Колючей Балке не было возможности (в особенности для женщин) пройти даже днем, в праздники же дело становилось еще хуже, так как непечатная брань и самые грубые оскорбления угрожали всякому, рискувавшему проникнуть в эту забытую балку. Невыносимые условия существования побудили многих домовладельцев этой несчастной местности обратиться в 1896 году в Городскую управу с просьбой об уменьшении числа кабаков, ограничении разврата и улучшении санитарного состояния.

Просьба эта в двух первых пунктах оставлена была без последствий, да и санитарное улучшение ограничилось только постановкой нескольких фонарей. Не получив с этой стороны почти никакого удовлетворения, жители Колючей Балки решили просить помощи у духовного начальства».

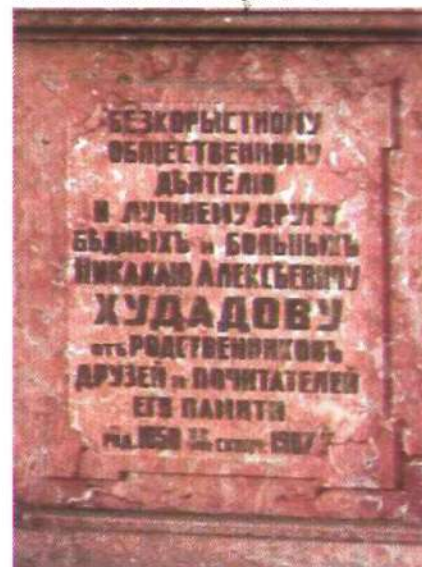
Нечего сказать, в хорошем месте провел начало грузинского периода Пешков, бежавший от «свинцовых мерзостей» жизни. Впрочем, господам революционерам там жилось вполне нормально, именно там они проводили собрания единомышленников. А среди новых товарищей Алексея революционеров немало. Это и корректор газеты «Кавказ», заинтересовавшийся марксизмом бывший народник М. Флеров, и экс-студент Петербургского университета, преподаватель русского языка Владимир Цветницкий, и помощник контролера Контрольной службы Управления ЗКВЖД Александр Балдин, и работник Управления город-

ского водопровода Василий Маков, и бывший народоволец, отсидевший в тифлисской тюрьме, Николай Ермолаев...

С еще несколькими — Калюжным, Джабадари, Василием Берви-Флерковским мы встретимся позже. Чтобы увидеть, какое влияние они оказывают на Максимыча, то есть на Пешкова, который в грузинской столице сразу же увлекается тем, что называлось антиправительственной деятельностью.

Для такой деятельности нужна аудитория, лучше всего среди «угнетаемого сознательного пролетариата». Пешков находит ее в Главных железнодорожных мастерских, и связано это, в первую очередь, с замечательным человеком, имя которого до сих пор живет в тбилисской топонимике, — Николаем Худадовым. О нем нельзя не сказать отдельно несколько слов. Он — друг по Первой тифлисской гим-

Плита на могиле Н. Худадова

назии Александра Флоренского, отца философа Павла Флоренского, радикальный член Тифлисской городской думы, старший врач железнодорожных мастерских. Он — основатель в городе Общества трезвости, столовых, библиотек-читален и воскресных школ грамотности для рабочих, один из инициаторов создания первого в Тифлисе рабочего театра — «Авчальской аудитории». Щедрый меценат и благотворитель, он все свои деньги отдал на «разбивку рощи и строительства места массового отдыха» площадью в 40 гектаров около туберкулезной больницы в районе Кукия. С тех пор по сегодняшний день у тбилисцев нет для этого места иного названия, как Худадовский лес.

Почему этому человеку уделено такое внимание в рассказе о Горьком? Да потому, что именно он, по просьбе Началова, помог будущему писателю устроиться на работу. И неизвестно, как сложилась бы жизнь Алексея Максимовича в Грузии, если бы в ней не было доктора Худадова.

Общая канва этой жизни хорошо известна: железнодорожные мастерские, «красногорская» коммуна, просветительская и агитационная деятельность, путешествие по Грузии... Но если внимательно прочесть некоторые документы и сравнить кое-какие даты, то возникнут неясности и противоречия, намного более серьезные, чем путаница с первым местом жительства Горького в Тифлисе. И, при всем уважении к большому писателю, над этими противоречиями нельзя не задуматься.

А КАК БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ?

Итак, в Тифлисе Алексей Пешков устраивается работать в Главные железнодорожные мастерские. Но на какую должность? Вопрос, казалось бы, праздный. Илья Груздев, биограф Горького, ссылается на самого писателя: «Сначала, — писал Алексей Максимович, — месяц с лишком работал в кузнечном, молотобойцем, затем — в счетоводном отделе мастерских записывал расходы материалов по «малому ремонту паровозов». Эти же специальности указаны и в различных официальных вариантах горьковской биографии. Но об ином свидетельствуют воспоминания бывшего мастера малярного цеха железнодорожных мастерских Ильи Горбатенко, опубликованные в номере 141(692) газеты «Большевистская путевка» за 21 июня 1936 года. Они начинаются с того, как в вагонно-пассажирский цех пришел «молодой парень, на вид лет двадцати»:

«Поздоровались, он спросил:

— Вы будете мастер малярного цеха Ильи Петровича?

— Я, молодец. Что, насчет работы, наверное?

— Да, на заработки пришел.

— А ты откуда?

— Нездешний. Родом из Нижнего, Пешков, Алексей,

— Где работал, — спросил я. Парень усмехнулся:

— Везде бывал, на Волге работал грузчиком. Поваром был, хлебопеком тоже. Газетами торговал. Приходи-

Главные железнодорожные мастерские ЗКВЖД

лось малых ребят нянчить...

В голосе и взгляде паренька было что-то такое, что внушало уважение, заставляло верить ему. Чувствовалось, что этот человек видал немало в своей жизни».

Детально описывается внешность этого парня: худощавый, с высоким лбом, из-под шляпы свисают густые пряди волос, голос негромкий, но внятный. «Серые глаза смотрели как-то особенно правдиво».

В общем, мастеру парень нравится. Правда, тогда мастерским новые рабочие не были нужны, но не будем забывать: Пешкову помогал Худадов. Так что на следующий день после беседы с мастером Алексей оформляется в конторе и начинает работать. Но не молотобойцем в кузнечном цехе, а, как свидетельствует Горбатенко..., подручным маляра в малярной бригаде Ивана Долгова в товарно-вагонном парке. Затем он переходит в бри-

гаду Маслова, работавшего маляром по надписям. А вот еще один отрывок из воспоминаний мастера малярного цеха. Он относится к тому времени, когда Алексей Максимович уже начал печататься:

«Однажды в обеденный перерыв я заметил в цехе рабочих, которые о чем-то громко беседовали, подошел к ним, поинтересовался, в чем дело.

— Да Пешков, подмастерье твой, книги пишет. Писателем оказался, — ответили мне».

Но, может, старого рабочего Горбатенко подводит память? Что ж, Валерьян Имедадзе, исследователь биографии Горького, предлагает нам прочесть уже официальный документ. Запись на 770-й странице матрикульной книги Главных железнодорожных мастерских гласит: «Нижегородской губернии, православный, холостой, 23 года, Алексей Максимович Пешков принят на работу маляром 10

Дом, в котором находилась «Красногорская коммуна»

декабря 1891 года, рабочая марка N1824... Поденное содержание получал 1 рубль в день. 1 февраля 1892 года назначен отметчиком, уволен 21 сентября 1892 г. по собственному желанию». Как видите, ни о кузнечном цехе, ни о молотобойце Пешкове и речи нет...

Еще одна загадка связана с пешими походами Горького по Грузии. Известно, что в течение 1892 года он побывал в Ахалкалаки, Боржоми, Батуми, Ахалцихе, Кутаиси, Озургети, Телави и Гори. А летом не только работал на строительстве шоссе Сухуми-Новороссийск, посетил Очамчире, Новый Афон, но еще и в Баку успел. Возникает естественный вопрос: а как же с работой в железнодорожных мастерских? Попутешествовал и вновь, как ни в чем не бывало, вернулся в цех?

Правда, Имедадзе утверждает, что перед летним путешествием Горький получил на работе расчет. Но вспомним, что в матрикульной книге,

цитируемой исследователем, черным по белому написано: «Уволен 21 сентября 1892 г. по собственному желанию»... Получается, что все время, пока Алексей Пешков путешествовал, он числился на рабочем месте. Увольнять маляра задним числом было не зачем. Так что же в действительности происходило в 1892-м?

Масса несостыковок в публикациях о Горьком связана и с его пребыванием в «коммуне» на Красногорской улице, когда он поселился в районе Чугурети. Даже такие серьезные литературные исследователи, как уже упоминавшийся Илья Груздев и столь популярный в последнее время Дмитрий Быков, внесли путаницу в местонахождение этой «коммуны», члены которой вместе с Пешковым вели

пропагандистскую работу среди рабочих и студентов. Оба утверждают, что она обосновалась на Ново-Арсенальной улице. Но название «Красногорская коммуна», под которым она вошла в историю и революционного движения, и литературы, уже говорит само за себя. К тому же достаточно просто подойти к мемориальной доске на доме N3 по улице Горького (бывшей Красногорской). А Ново-Арсенальная, как свидетельствуют старые карты, была выше, у линии железной дороги.

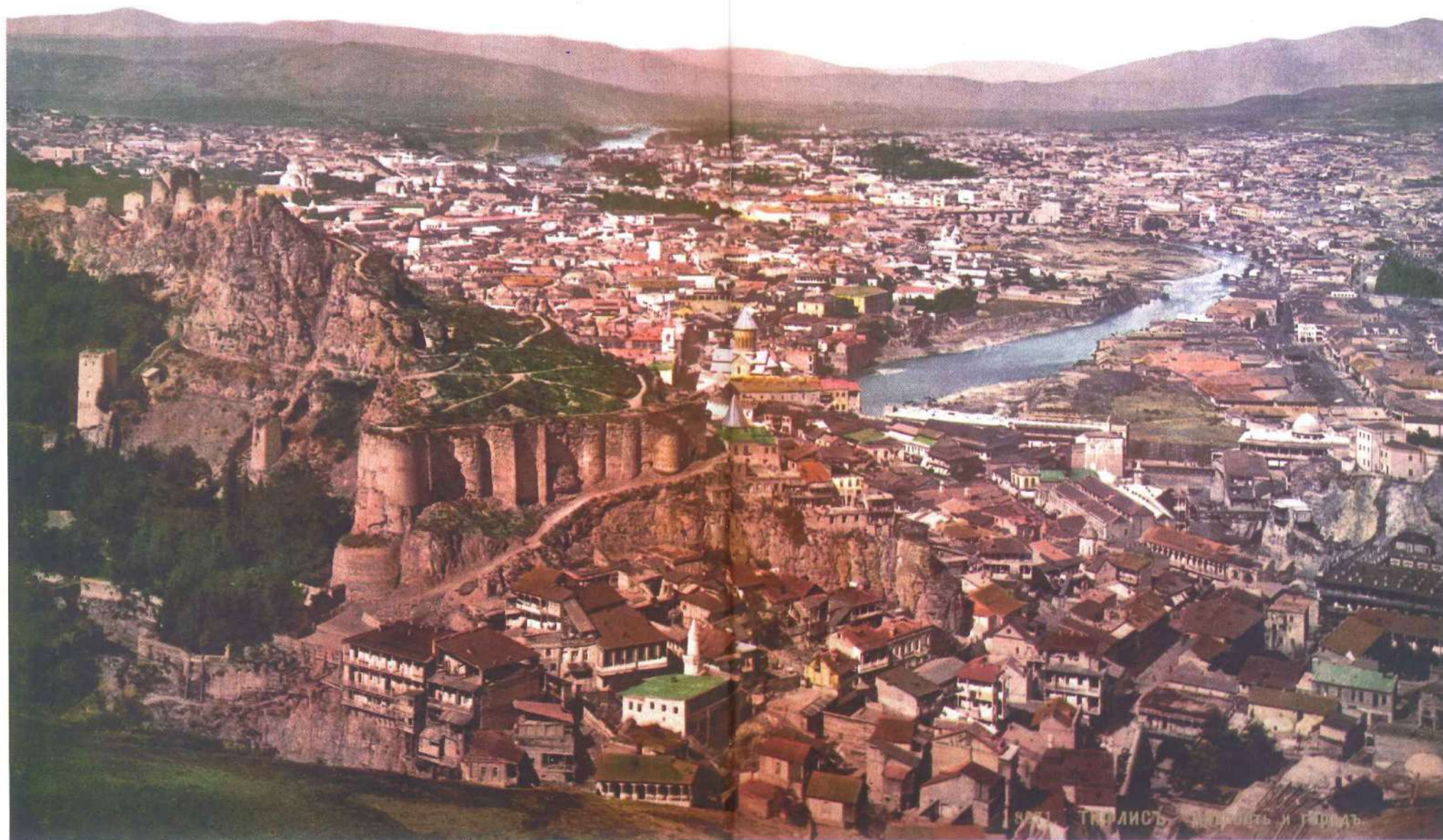
Второе расхождение у биографов — об условиях жизни Пешкова на Красногорской. Так, писательница Надежда Шер сообщает, что «поселился он с несколькими товарищами коммуной в полуподвальной комнате». Но член коммуны, ученик учительского института Сергей Вартаньянц свидетельствует: «Не раз он звал меня к себе в комнату (у него была отдельная комната) и с особым увлечением читал мне «Манфреда» и «Каина». А на нынешней мемориальной доске и вовсе значится, что там было общежитие... Но это — мелочи по сравнению с тем, что в различных источниках не соответствуют даты самого существования знаменитой «коммуны».

Вот что сообщает Эбергард Клей: «Вскоре — в конце все того же 91 г. — сдружившаяся тройка нашла себе подходящее помещение на окраине города, в пять достаточно светлых «палат» в полуподвале на Красногорской улице. Поселились там и «коммуна» начала действовать». Дальнейшее развитие событий описывает Валерьян Имедадзе: «В Красногорской коммуны, основное ядро которой составилось в январе-феврале 1892 года, по вечерам собиралась довольно многочисленная по тем

временам публика...». Он же указывает и следующее: «Красногорская коммуна, просуществовавшая около пяти месяцев (с середины января по июнь), явилась, как мы видим, важным этапом в раннем периоде жизни А.М. Горького».

Казалось бы, даты зарождения и деятельности «коммуны» четко обозначены. Однако другие исследователи утверждают, что коммуна была создана намного позже — лишь летом, после того, как Пешков возвратился из путешествия по Грузии. Илья Груздев: «Вернувшись в Тифлис, Горький поселился с Афанасьевым на одной квартире». Дмитрий Быков: «Поработав летом 1892 года на строительстве шоссе Сухум-Новороссийск и сходяв с механиком Федором Афанасьевым на бакинские нефтепромыслы (эта работа показалась ему самой тяжелой из всех виденных), Горький вернулся

в Тифлис и зажил в подвале на Ново-Арсенальной улице, на квартире, которую они снимали влятером...».

В таком случае, где же он жил с конца 1891 года до начала путешествия? Где собирались до лета его товарищи и соратники по широко известной просветительско-агитационной работе?

В общем, если найдется желающий сделать диссертацию на объяснении всех перечисленных неясностей, то поле деятельности у него будет немалое. А мы попробуем не заикливаться на нестыковках и приглядеться к сути пребывания Горького в Грузии. Абстрагируясь от некоторых деталей, связанных со временем и местами. Ведь основная канва событий не меняется от несовпадений в деталях.

«ВЫСОКИЙ, СЛЕГКА СУТУЛЯЩИЙСЯ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК»

С первых же дней жизни в Тифлисе Алексей оказывается в эпицентре антиправительственных настроений рабочей среды. Эпицентр этот — те самые железнодорожные мастерские, где он начал работать. Вообще-то, протестное рабочее движение началось в Грузии с 1860-х, волна забастовок прошла по Арсеналу, текстильной

Сергей Алилуев

фабрике Мирзоева, столярному предприятию Зейцера, механическому заводу Рукса, каретной мастерской Котрини, столярной мастерской Энали, железнодорожному депо в Хашури, строительству железнодорожной линии Поти-Тифлис... Когда эта волна докатилась до Главных железнодорожных мастерских, там произошли самые крупные волнения. Последнее из них всего за два года до приезда Пешкова был разогнано войсками, его организаторов заключили в Метехскую тюрьму.

Память об этих конфликтах с администрацией и властями живет в мастерских, к тому же рядом с будущим писателем — профессиональные «борцы за народное счастье». Это будущий тесть Сталина, из первых российских рабочих социал-демократов Сергей Алилуев, Важа Стуруа, при советской власти возглавивший Всегрузинский Центральный Исполнительный комитет, будущий руководитель

Авлабарской подпольной типографии и московских рабочих дружин 1905 года Михо Бочоридзе, основатель первого в Тифлисе социал-демократического кружка Федор Афанасьев и другие. Свою первую встречу с Пешковым Алилуев вспоминает в подробностях:

«В тысяча восемьсот девяносто втором году в токарном цехе возник первый кружок... Однажды на собрание кружка... в комнату вошел Афанасьев и с ним незнакомый мне высокий, слегка сутулящийся молодой человек. Оба присели к столу и вместе с нами стали слушать лектора, к слову сказать, читавшего вяло... Вдруг неожиданно — лектор еще не закончил чтения — вошедший с Афанасьевым молодой человек негромко, сильно напирая на «о», заговорил:

— Это очень хорошо, товарищи, что вы слушаете о том, что такое прибавочная стоимость. Но надо все это делать как-то поживее, не так отвлеченно. Прочитанное следует увязывать с вашими личными наблюдениями. Вот, например, эту прибавочную стоимость вы ощущаете на собственных спинах!

Слова молодого человека ожили собрание, присутствующие подняли головы, прислушались к его словам. А незнакомец продолжал развивать свою мысль дальше:

— Еще лучше товарищи, — говорил он, — если вы будете записывать то, что вас особенно взволнует или возмутит на работе... Пишите на злобу дня, записывайте факты, а записанное передайте одному, другому товарищу — пусть прочтут. Такие коротенькие записки-обращения можно даже переписать в нескольких экземплярах, раздать товарищам... этими листовками можно достигнуть многого.

Мы все с напряженным внимани-

ем слушали говорившего, понимали, одобряли его мысль. Меня этот молодой человек заинтересовал.

— Кто это? — улучил я минуту, чтобы задать вопрос Афанасьеву.

— Потом расскажу, — шепнул он.

Через несколько дней, в воскресенье, я зашел к Афанасьеву... Гляжу, а у него сидит тот самый молодой человек, который так поразил меня смелой, дельной речью на собрании кружка. Федя Афанасьев тут же представил мне незнакомца, как своего хорошего друга.

— Алексей Пешков, — назвал его и добавил: — работает у нас в железнодорожных мастерских, в конторе малярного цеха.

Я долго просидел тогда у Афанасьева, слушая рассказы молодого Пешкова о его странствиях... Мы поделились впечатлениями о поразивших нас обоих красотах Грузии».

А в цехах воплощают в жизнь советы Алексея — печатают и распространяют прокламации, основанные

на записях, сделанных на рабочих местах. «Таким образом, несмотря на свои молодые годы, Алексей Максимович был довольно опытным и знающим пропагандистом», — резюмирует Алилуев. Ну а Пешков, опять-таки не особенно афишируя свои имя и фамилию, наставляет рабочих не только железнодорожных мастерских. Вот воспоминания Николая Мерабова уже с другого предприятия — кожевенного:

«Далеко за городом, на берегу Куры, рабочие собирались, чтобы в беседах облегчить свои тяжелые мысли. Однажды к ним подошел просто одетый, худой, высокий человек и, точно угадав, зачем мы собрались, стал говорить об угнетателях. Его необычайная простота, обаятельность располагали к откровенным разговорам. Незнакомец расспрашивал о хозяйствах, заработках, о нашей жизни. В его словах горела великая ненависть к угнетателям. В этот день мы так и не узнали, кто говорил с нами, а вскоре я встретил его в железнодорожных

мастерских. Здесь-то я и узнал от его друга Ваню Стурца, что это был Алексей Пешков — Горький».

Мы еще увидим, как в различных местах грузинской столицы Пешков встречается с самыми разными людьми, ищущими ответа на вопрос: как сделать жизнь справедливой и счастливой для всех? Но было ли это революционной пропагандой, как утверждали советские историографы и литературоведы, часто выставившие Горького исконным большевиком и яростным революционером? Революция — вооруженная борьба, а в молодости Горький был далек от пропаганды насилия. Это потом из-под его пера вышли призывы «Пусть сильнее грянет буря!» и такая «аксиома», как «Если враг не сдается, его уничтожают». Сам он вспоминал в тифлисском периоде не о призывах к вооруженной борьбе, а о «дружеских спорах». Что же касается его «большевизма», то предоставим слово человеку, ссылаясь на которого советские исследователи могли только в том случае, если они были самоубийцами. Итак, Лев Троцкий, которого можно справедливо обвинять во многих грехах, но никак не в отсутствии осведомленности в том, что касается революционного движения:

«Незачем говорить, что покойного писателя изображают сейчас в Москве непреклонным революционером и твердокаменным большевиком. Все это бюрократические враки! К большевизму Горький близко подошел около 1905 года, вместе с целым слоем демократических попутчиков. Вместе с ними он отошел от большевиков, не теряя, однако, личных и дружественных связей с ними. Он вступил в партию, видимо, лишь в период советского Термидора. Его вражда к большевикам в период Октябрьской

революции и гражданской войны, как и его сближение с термидорианской бюрократией слишком ясно показывают, что Горький никогда не был революционером. Но он был сателлитом революции, связанным с нею непреодолимым законом тяготения и всю свою жизнь вокруг нее вращавшимся. Как все сателлиты, он проходил разные «фазы»: солнце революции освещало иногда его лицо, иногда спину».

И в Тифлисе будущий писатель далек от радикальных, революционных призывов, он хочет научить, как правильно оценивать происходящее в рабочей среде и проводить мирные протесты. Уже тогда проявляется его убежденность в том, что слово не просто изреченное, но и перенесенное на бумагу — не только обличение несправедливости, а и действенное оружие против нее. А поскольку он на собственном опыте убедился, что главная функция печатного слова — просвещение, то его деятельность в Тифлисе можно считать не столько пропагандистской, сколько культурно-просветительской.

«ПОЛИВАЮ ИЗ ВЕДРЫШКА ПРОСВЕЩЕНИЯ...»

Кто же из тифлиских знакомых Пешкова оказывает на него наибольшее влияние? В первую очередь, Василий Берви-Флеровский, экономист, философ, писатель, а самое главное

Вильгельм Берви-Флеровский

— идеолог народничества 1870-х. Пешков пришел бы в восторг, если бы знал, что книгу этого ветерана протестного движения «Положение рабочего класса в России» сам Карл Маркс оценил как «труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах». Но этих эпитетов мало, автор «Капитала» утверждал, что это — самая замечательная книга после труда Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», и что труд Берви-Флеровского делает честь России наравне с работами Николая Чернышевского. Столь известный в бунтарских кругах знакомый Алексея прошел через аресты, ссылки и к шестидесяти пяти годам настолько подорвал здоровье, что друзья выхлопотали ему разрешение

Иван Джабадари

жить на Кавказе. Он так вспоминает, чем занимался в Тифлисе с 1890 по 1893 годы, работая конторщиком в Управлении ЗКВЖД: «Поправив свое здоровье на Кавказе, я стал писать вторую часть «Азбуки социальных наук» и в течение целого года реферировал ее в частной квартире, в избранном интеллигентном обществе. По поводу моих идей тут происходили оживленные дебаты, которые мне очень полезны».

«Избранное интеллигентное общество» — это тот самый кружок, в котором Пешков оказывается благодаря приютившему его Началову. Алексей восхищается Берви-Флеровским, что не мешает ему спорить с ветераном о главенствующей роли социальной гармонии. Не нравятся ему и действительно слабые рассказы Василия Васильевича: «было как-то неловко, что этот невысокий, суровый, нетерпимый, со всеми не согласный старик, автор «Азбуки социальных наук» и первой русской книги о «Положении рабочего класса», мог сочинять такие бесцветные, надуманные вещи».

Однако все это не мешает Алек-

сею пожилого «человека вне общества» считать «почти гениальным», к тому же их объединяет страсть к путешествиям. К сожалению, в какое именно время Пешков отлучался с рабочего места уже для этих прогулок, точно не известно. Но спустя годы Горький рассказывает разным собеседникам о том, как путешествуя по окрестностям Хашури и Боржом, они отбивались от огромного буйвола холщевым зонтом, как чуть не погибли при горном обвале...

Все в том же кружке Алексей знакомится с Иваном Джабадари, адвокатом и журналистом, получившим пять лет каторги на знаменитом «Процессе пятидесяти» 1877 года — над народовольцами, создавшими «Все-российскую социально-революционную организацию». Устав ее написал именно Джабадари. Выйдя на свободу, он использует свою адвокатскую должность, чтобы трудоустроить в Тифлисе «неблагонадежных». А Пешкову много рассказывает о Софье Перовской и других видных революционерах, о том, как сам он находился в каторжной тюрьме на сибирской реке Каре. Дружит Алексей и с еще одним «кружковцем», сосланным на Кавказ рабочим-революционером Федором Афанасьевым, с бывшим каторжанином Александром Калужным, работающим старшим счетоводом все в том же Управлении ЗКВЖД. Со многими Алексей сближается, поселившись в знаменитой «Красногорской коммуне».

Он живет на Красногорской улице вместе с Афанасьевым и коренным тбилисцем Владимиром Рохлиным, который вернулся с военной службы и получил работу в городском водопроводе благодаря все тому же юристу Джабадари. С ними обитают и, как бы сказали сегодня, представители

учащейся молодежи. Это ученик землемерного училища Самет, семинарист Биланов, студенты учительского института Магалов и Вартаньянц, несколько выпускников-старшеклассников. Революционной организацией эта «коммуна» не была, в то время объединялись многие молодые люди, стремящиеся в первую очередь к самообразованию. И уже во вторую очередь ищущие объяснения несовершенства общественного устройства. В такой обстановке Пешков чувствует себя, как рыба в воде — и в Казани, и в Нижнем Новгороде он уже жил «коммунами» с подобными учащимися. Почитаем, что он пишет о своей жизни на Красногорской улице.

Ростовским товарищам: «Поливаю из ведрышка просвещения доброкачественными идеями и таковые приносят известные результаты». Казанскому другу Гурию Плетневу: «Служу на железной дороге, получаю 43 р. Читаю с учениками института и семинарами. Ничему не учу, но советую понимать друг друга. С рабочими

в депо железной дороги читаю и разговариваю. Есть тут один рабочий Богатырович — хорошая фигура, с ним мы душа в душу живем. Он говорит, что в жизни ничего нет хорошего, а я говорю — есть, только спрятано, чтоб не каждая дрянь руками хватала». Другу по нижегородской юности Ивану Картиковскому: «В коротких словах — вот моя внешняя жизнь: с 9 до 4 работа, с 4 до 5 отдых, с 5 до 9 чтения (от них свободны только Среда и Воскресенье), с 9 до 11-12 споры, раздоры и прочее, с 12 до 3-4 читаю и пишу для себя».

Казалось бы, живи да радуйся. В четыре часа дня уже свободен от работы в мастерских, не только успешно наставляет других, но читает и пишет для себя. Однако... Уже в то время будущий основатель соцреализма соткан из противоречий. Тому же Картиковскому он пишет в начале 1892-го: «...Жить мне хочется, голубчик! Любви хочу, вот такой... хочу поклоняться и повелевать ей, хочу дружбы чистой, глубокой, понимающей, честной, хочу красоты и всего хорошего. И ничего у меня нет! Нищ и убог!» И это при том, что он пользуется авторитетом, что рядом люди, которые искренне считают себя его друзьями и уверены, что он тоже любит их, а не только «поливает доброкачественными идеями». И вот что свидетельствует живший в «коммуне», а впоследствии ставший видным деятелем советской Армении Сергей Вартаньянц:

«Он несомненно сближался с людьми, но, сблизившись, оставался прекраснейшим товарищем; искренность, отсутствие деланности... составляли непереманные атрибуты его симпатичного характера; он был весьма интересным собеседником. Суровая житейская школа, которую он прошел с малолетства, дала ему богатей-

Кирочная улица

ший запас живых, непосредственных впечатлений, которыми он делился с нами (нас жило несколько человек на одной квартире) в долгие зимние вечера... Резкий во мнениях, оригинальный во взглядах на вещи и явления, он был грубоват в манерах и движениях, что, впрочем, шло к нему».

Крик души, излитый Картиковскому, не слышен окружающим, вместе с которыми Пешков организует в «коммуне» чтения и обсуждения книг, диспуты, доклады и даже вечеринки с чаепитием, пением и танцами. Обсуждаемые книги — в основном народного характера, литература марксистского толка еще не доходит до Грузии. Социально-политические проблемы, конечно, обсуждаются, но в целом ни о какой четкой продуманной и организованной политической работе речи и быть не может. В начале 1900-х годов цель подобных кружков по всей империи, а следовательно, и «Красногорской коммуны» — культурно-просветительская работа. И работу эту надо признать значительной: через «коммуну» проходят больше

двухсот молодых людей — рабочих и учащихся разных национальностей.

Но полуподвальное помещение на Красногорской не может одновременно вместить больше пятидесяти человек, к тому же необходимо немало книг. И Пешков с соратниками налаживают связи со «Школой общества учительниц» и созданной при ней «Дешевой библиотекой» для рабочих и служащих. Душа школы — ее руководительница, хорошо известная в Тифлисе общественная деятельница Ольга Кайданова, библиотекой заведует энергичная и начитанная вдова рабочего Ольга Белоусова. Путь из «коммуны» в библиотеку совсем не долг: она сначала была на Михайловском (ныне — Агмашенебели) проспекте, а потом перешла на Кирочную (сейчас — Марджанишвили) улицу. Так что «коммунары» со товарищи там частые гости. А Пешков, известный книголюб, почти все зимние вечера проводит в библиотеке: там намного уютней, чем в сыром полуподвале. И вот что вспоминает о нем не только как о читателе Ольга Кайданова:

«Будучи превосходным рассказчиком, он вносил много оживления в наши собрания, которые вообще не замыкались в рамки исключительно делового содержания, а всегда переходили в формы общения на почве общественных вопросов и вопросов повседневной жизни и быта. Между А.М. и нашим кружком библиотечных работников образовалась внутренняя связь, так как между тем, над чем работали мы, и тем, над чем в то время думал А.М., было много общего. Мы хотели приблизить книгу к читателю, сроднить их между собой, научить читателя читать книгу и брать от нее все, что она может ему дать, а А.М., еще начинающий тогда писатель, думал над тем, какое значение имеет литература и оказывает ли книга действительно влияние на человека. Наша библиотека давала ему материал для выяснения этого вопроса». А Горький потом вспоминал о Кайдановой: «Очень умная была, хорошая».

«...УВИДИШЬ,
КАК ВСЕ ТЕБЯ
ПОЛЮБЯТ»

Конечно же, Алексей не ограничивается известными литературными сюжетами. Над своими собственными произведениями он пока еще работает, но тем, о чем он намеревается написать, щедро делится с окружающими. Естественно, это — роман-

тические описания его странствий. Звучат они и в «Школе общества учительниц». Причем настолько удачно, что берут верх над выступлениями бывшего народовольца Николая Ермолаева, недавно вернувшегося из ссылки. Этого много испытывавшего и повидавшего человека сравнивали с Рахметовым, героем романа Чернышевского «Что делать?». И вот что поведаст нам писатель Сергей Робакидзе, ставший впоследствии переводчиком книг Горького на грузинский язык. Сначала — о Ермолаеве:

«Говорил он со страшным увлечением, так красиво и с таким подъемом, что слушатели мгновенно забывали про еду и свое дело (за разговорами там активно чаевничали — прим. автора) и готовы были слушать его до конца. Скоро... очаровал всех и сделался душой общества учительниц, руководимых О.Кайдановой...». За-

Эгнате Ниношвили

тем — о Пешкове: «Через некоторое время мы познакомили Максимыча с учительницами, и он втянулся в их общественную работу. И вот встретились два «златоуста». Замечательный рассказчик... потерпел решительное поражение от будущего великана-писателя. Учительницы перешли на сторону Максимыча, и побежденный... часто шутил: «Этот босяк совсем отнял у меня поклонение и почит».

Правда, такому воспоминанию не очень соответствует другое, того же Сергея Вартаньянца: «Большого общества Максимыч избегал: он всегда чувствовал себя неловко в пестроте единиц, именуемых людьми. Общество женщин его еще больше стесняло; среди них он больше молчал, а если и говорил, то очень мало, отрывисто. И объясняется это тем, что суровая жизнь воспитала в нем глубокое отвращение ко всему тому, что заставляет большинство людей смеяться там, где плакать хочется, и пла-

кать там, где хочется смеяться». Что ж, из всего этого следует лишь одно: в разных обстоятельствах, с разными людьми Пешков и сам бывал разным.

А помимо литературы, как известно, он очень любил театр, и эта любовь объединяет его с восемнадцатилетним Шио Читадзе, одним из активнейших членов «коммуны». Тому предстоит окончить Киевский университет, поддерживать в Тифлисе украинскую поэтессу Лесю Украинку, стать педагогом-реформатором и быть убитым во время революционных событий 1905 года. А тогда, в 1892-м, это — восторженный, жаждущий знаний юноша, который приобщает Алексея к творчеству прогрессивных грузинских писателей-современников. С некоторыми из них — Эгнате Ниношвили, Екатериной Габашвили, Давидом Клдиашвили — Алексей знакомится лично. О знакомстве с первым из них, страдавшим от туберкулеза выдающимся писателем и публицистом Ниношвили, нельзя не рассказать подробнее. Ведь оно произошло именно в «Красногорской коммуне», и именно этот грузинский писатель первым посоветовал Пешкову воплотить накопившиеся впечатления на бумаге. Слово Сергею Робакидзе:

«Прибыв из села, Ниношвили, как человек, не имеющий угла, остановился там, где собирались мы и где жил также Алексей Пешков. Они, конечно, скоро познакомились... В один из прекрасных дней мы, учащиеся института, удрали из церкви... На квартире мы встретили Эгнате Ниношвили и Алексея Пешкова. Мы принесли с собой номер газеты «Иверия», где был напечатан один из рассказов Ниношвили. Прочитав рассказ Ниношвили, мы все окружили автора, задавая ему вопросы. Грустно всматривался Пешков в исстрадавшееся

лицо Ниношвили и затем сказал ему: «Ты счастлив, товарищ, что своими глазами видишь, как любят и уважают тебя». На это Эгнате, хорошо владевший русским языком, ответил Пешкову: «Напиши то, что ты так хорошо рассказываешь, и тоже увидишь, как все тебя полюбят».

О том, как любимый грузинской читающей публикой писатель увидел в Алексее Пешкове большого литератора еще до того, как тот взялся за перо, свидетельствует и находившийся рядом с ними литературный критик Петр Гегелеишвили. В чем-то его рассказ повторяет сказанное Робакидзе, в чем-то дополняет его:

«Пешков был великолепным рассказчиком, обладал фантазией, и его близкие надеялись, что из него выйдет писатель. Больше всех других в большое будущее Пешкова верил Ниношвили. Он говорил, что когда Пешков начнет писать, то проведет новую и глубокую борозду в русской литературе. Во время встреч с Пешковым Ниношвили уже был тяжело болен. Алексей Максимович часто ободрял Эгнате, хотя тот ни слова не говорил ему о своей болезни. «Как ты счастлив, Эгнате, что к тебе с величайшей любовью относится грузинская молодежь», — говорил ему Пешков, видя, что к писателю приходило много почитателей.

Эгнате отвечал: «Ты только станешь на свой действительный путь и увидишь, что станешь любимым писателем и не только молодежь, но и большие писатели склонятся перед тобой».

Забегая почти на сорок лет вперед, можно увидеть, что Максим Горький не забыл писателя, которого в 1894-м унес туберкулез. Приехав в Грузию в 1928 году, он говорит: «У вас большая литература и в особенности

поэзия... Я вспоминаю некоторые имена и лица. Особенно запомнился мне образ худого и слабого физически, но сильного своим творчеством — Ниношвили». И как главный литератор «государства трудового народа», не может не вспомнить о пролетариате: «Мне приходилось говорить с грузинскими рабочими о том, какое на них производят впечатление рассказы этого писателя, и все отзывались о его творчестве и о нем с восторгом и любовью. Ниношвили особенно удались современные ему люди. А это имеет огромное значение».

Но вернемся в начало 1900-х, к дружбе Пешкова с человеком, который познакомил его с Ниношвили — Шио Читадзе. Уже известный нам Сергей Робакидзе вспоминает: «Два участника «коммуны», два друга — А. Пешков и Шио Читадзе — были страстными приверженцами «Разбойников» Шиллера. Оба были сильно увлечены исполнением ролей героев пьесы Шио Читадзе

Шиллера — А. Пешков роли Карла Моора, а Шло Читадзе — Франца Моора. Оба друга соревновались в лучшем исполнении роли своего любимого героя, критиковали игру другого, но так азартно, что чуть не бросались друг на друга с кулаками».

Что касается «Разбойников», то именно в то время на тифлисской сцене дебютировал в роли Франца Моора выдающийся грузинский актер Ладос Мехишвили. И писатель Лев Никулин через много лет напишет в воспоминаниях о Горьком: «Мы слышали из его уст имя Алексеева-Мехиева, которого Горький хорошо помнил и ценил по тифлисскому периоду своей жизни. «Отличнейший артист», — так о нем говорил Алексей Максимович». Пешков настолько увлечен Фридрихом Шиллером, что даже пишет реферат о его эстетических взглядах и с большим успехом зачитывает эту работу в у себя в «коммуне». Но что там исполнение роли перед другом и теоретический реферат! О больших театральных планах Пешкова рассказывает Сергей Вартаньянц:

«К лету 1892 года он уже собирался с котомкой за плечами скитаться по российским деревням, на этот раз уже с определенной целью — давать народные спектакли везде, где только представилась бы возможность. Для этого он уже в апреле вербовал людей, сочувствующих его идее народного театра. Одним из таких был и я. Всех нас для будущей труппы странствующих актеров было уже пять человек, в том числе сам Максимыч и одна женщина. По дороге мы надеялись увеличить состав труппы. Так зародилась идея о странствующей труппе актеров, но, к сожалению, она не осуществилась».

Воплотить эту идею удастся лишь через пять лет, на Полтавщине. Там

в селе Мануйловка, став уже Максимом Горьким, страстный любитель сцены организует деревенский театр и целое лето ставит в нем спектакли.

«ЛИЦО ЕГО БЫЛО НЕ ИЗ ВЕСЕЛЫХ»

А еще в тифлисской жизни Алексея Пешкова был другой Читадзе — Гола, руководитель народолюбческого кружка, как и Горький, развернувший с друзьями культурно-просветительную работу. Он издавал журнал «Имеди» («Надежда»), был кумиром революционно настроенной молодежи, в том числе и будущего знаменитого террориста-ленинца Камо (Симона Тер-Петросяна). В конце жизни Читадзе неизлечимо заболел — маниакально-депрессивный психоз добился его в психиатрической больнице. Пешков, один из тех, кто сидел у постели больного. А став Горьким, взял

его прототипом Кравцова, героя рассказа «Ошибка», написанного в 1895 году. И вновь воспоминания Сергея Вартаньянца, на этот раз — о том, что было еще до его знакомства с Пешковым. Они весьма пространны, но прочесть их, право слово, стоит.

Итак, о первой встрече: «То было в 1891 году. Шел я задумчиво под тяжелым впечатлением, только что вынесенным мною из квартиры некоего Ч-зе, юноши-идеалиста, неутомимого работника во имя «любви к ближнему». Этот редкий юноша, возмечтавший искоренить зло на земле, пал жертвой грубой и беспощадной жизни: он сошел с ума... Возвращался я от больного с дежурства усталый, разбитый после бессонно проведенной ночи и шел торопливыми шагами... Вдруг внимание мое невольно остановилось на одном весьма типичном молодом человеке; он был в нескольких шагах от меня и шел мне навстречу. Это был юноша высокого роста, широкоплечий, атлетического сложения, с широким, грубоватым, чисто русским лицом, с длинными волосами; шел он твердыми, уверенными шагами, точно чувствовал, что он не из простых смертных. Он поравнялся со мною; я еще лучше мог осмотреть его: лицо его было не из веселых, умные, вдумчивые глаза его выражали силу и присутствие большой воли; вся его мощная фигура и оригинальное лицо невольно приковывали к себе внимание прохожих... Незнакомец прошел мимо, несколько не обращая внимания на меня, я же, наоборот, как наэлектризованный, смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за угол улицы, но помню очень хорошо (говорю совершенно искренне), что этот незнакомец так заинтересовал меня, так овладел моим существом, что мне непременно захотелось уз-

нать, кто он: я бросился догонять его, но было поздно — его и след простыл. Раздосадованный, я поплелся домой, но все не переставал думать о нем, о моем таинственном незнакомце».

О знакомстве: «Я, конечно, успел бы потом забыть этого случайно встретившегося со мною человека... если бы счастливый случай не привел меня познакомиться с ним на другой же день в квартире больного Ч-зе. Было 10 часов утра, когда на другой день пришел я к больному. Каково же было мое удивление, когда, войдя в комнату, я увидел моего незнакомца, так сильно заинтересовавшего меня накануне. Меня познакомили. Он назвался Пешковым. Широкоплечий, здоровый, несколько сутуловатый, высокого роста, в блузе, подпоясанной ремнем, с лицом невеселым, но решительным, он произвел на меня бодрящее впечатление, впечатление чего-то нового, а главное, оригинального. Резкий в мнениях, оригинальный во взглядах на вещи и явления, он был грубоват в манерах и движениях, что, впрочем, шло ему».

О Пешкове и Голе Читадзе: «Никогда не забуду, как он во время одного из дежурств схватил своими сильными руками сумасшедшего Ч-зе (тоже крупного сложения), желавшего удрать из дому, быстро уложил его на кровать, также быстро привязал к ней, чтобы окончательно парализовать в нем желание бегства. Нужна была действительно большая мускульная сила, чтобы обезоружить не в меру разошедшегося душевнобольного, и Пешков обнаружил в данном случае действительно редкую силу. Некоторые из присутствовавших товарищей больного... оставшись очень недовольными подобной мерой со стороны Пешкова, стали осуждать ее, но последний решительно наста-

ивал на необходимости применения резких мер в подобных случаях. Никакие увещания, никакие просьбы не успокоят не в меру разбушевавшегося психического больного; нужна решительность, резко выраженная сила. Таково было тогда мнение Пешкова, человека очень отзывчивого к чужим страданиям, к чужому горю. И, действительно, он оказался прав: больной, метавшийся на кровати, как лев в клетке, через очень небольшой промежуток времени совершенно успокоился и просил освободить его, обещая вести себя тихо и мирно. Просьба, конечно, была исполнена».

К этому надо добавить, что Алексей ухаживал за душевнобольным по просьбе замечательного доктора-мечената Николая Худадова. О том, как это происходило, — еще один эмоциональный рассказ другого современника Николая Кара-Мурзы:

«Насколько мне помнится, А.М. Пешков знал Читадзе не так давно, а между тем он принял в нем самое живое участие: являлся на дежурство

Бакинские нефтяные промыслы

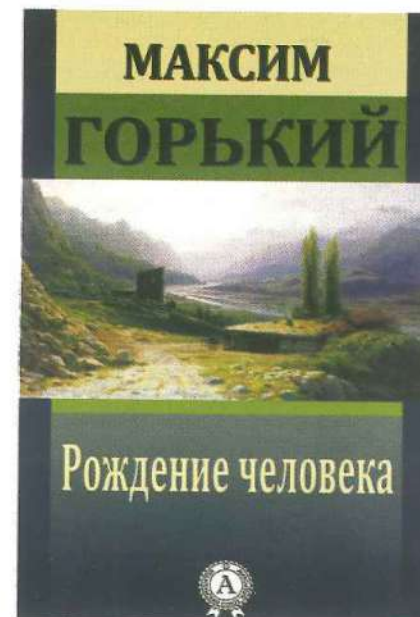
аккуратно и раньше всех, просиживал ночи у постели больного, старался как-нибудь облегчить страдания его. Мне приходилось часто дежурить с А.М. Пешковым и я имел возможность лично убедиться в его сердечном, добром отношении... Помню живо последнюю ночь нашего дежурства, когда нам пришлось до утра пережить ужасные муки (это было 31 декабря 1891 г.). Ночь эта была одной из самых ужасных: больной был особенно раздражителен, буйствовал, все время кричал, все время убегал и, когда его удерживали, дрался... В эту ночь Алексей Максимович был сильно расстроен и нервно заносил карандашом в свою тетрадь заметки. Он — этот сильный человек — не смог совладать с собой, и я, выходя на балкон вслед за ним, видел на его глазах слезы».

Как видим, в Тифлисе у Алексея насыщены не только практически все дни, но и некоторые ночи. Однако «ядовитые отравы жизни» не удовлетворяют его беспокойную натуру, в которой «романтизм юности» не смиряется с «темными впечатлениями бытия». Ему вновь не сидится на одном месте. «Любовь к скитальческой и нелюбовь к оседлой жизни в нем были так же сильны, как во многих его героях-босях. Слова Тетерева (героя пьесы М. Горького «На дне» — прим. автора) — «лучше замерзнуть на ходу, чем гнить, сидя на одном месте» — всецело применимы и к нему, Максимычу», — заверяет Вартастьянц. И Алексей не только «осваивает» Шида-Картли и Джавахети с Берви-Флеровским, не только видит свой будущий народный театр именно путешествующим. С другом, механиком Федором Афанасьевым он проходит по Восточной Грузии до Баку. Затем путешествие в одиночку к Черному

«БРАТ МЕНЬШОЙ — УМ БОЛЬШОЙ»

Между тем «Красногорская коммуна» начинает разваливаться. И это понятно: идеалы и духовные устремления ее обитателей были едины, но каждого ждали свои собственные жизненные дороги. Окончив семинарию, собрался поступать в один из российских университетов Биланов. Завершивший учебу в землемерном училище Самет решает отправиться в Америку, разлетаются и те, кто окончил выпускные классы. Расходятся молодые рабочие и учителя, Рохлину передает хорошую комнату покинувший Тифлис друг. И Александр Ка-

морю через Гори, Озургети, Кутаиси к Батуми и в Абхазию, работа в Ново-Афонском монастыре и на строительстве шоссе Сухуми-Новороссийск.

Он видит тяжелейшие условия труда на бакинских нефтяных скважинах, страдания российских крестьян из голодающих губерний, набранных на постройку стратегического шоссе и «раздавленных своим горем». Он принимает роды у незнакомой женщины на горной дороге и становится свидетелем публичной казни разбойников в Гори. Все это, как и восхищающие его горные красоты Грузии, он опишет, уже став Максимом Горьким — в очерках «Разбойники на Кавказе» (1896 год) и «По Стране Советов» (1928), в рассказе «Рождение человека» (1912).

люжный предлагает Пешкову перебраться к нему, в дом Рейера на Елизаветинской (затем — Клары Цеткин, а теперь — Цинамдзгвишвили) улице. Кстати, еще в 1920-х считали, что этот дом подлежит сносу, а он стоит и по сей день.

Алексей бывал там и раньше. «У меня в семье, — отмечал Калюжный, — Алексей Максимович встретил то радушие и ласку, которых не имел за время своих странствий. Алексей стал частым гостем моей семьи». С каким же внутренним багажом молодой рабочий поселяется у Калюжного? Сам Горький позже признавался: «Себя я вижу в ту пору фантазером, стихотворцем, пропагандист я был, вероятно, плохой». Что ж, в отношении пропагандиста он явно скромничает, мы уже видели его бурную деятельность в этом направлении. Со слов современников убедились, что и с фантазерством все в порядке. А вот стихотворчество...

Как вы помните, в Тифлисе он появился со стихами в котомке. Собственными стихами. Не переставал писать их и все время, пока находился в Грузии. Свидетельств о том, что его тетрадки были заполнены рифмованными строками, немало. Но, увы, эта поэзия высокопарна и полна романтических штампов. Судите сами по сохранившимся отрывкам того времени:

В мир новый, мир иной,
Где слез не надо проливать,
Где крик души больной
Не станет сердца разрывать
Щемящею тоской...

Или:

Как странники по большой дороге
Сквозь сердце мое прошли
В печали, сомнениях, тревоге
Тысячи детей земли.
Немногих с грустью милой
Я в памяти сердца храню...

Белые стихи, заучивать которые в Советском Союзе заставляли с детства, удаются ему лучше. Хотя и там наряду с действительно сильными местами полным полно пафоса и высокопарности. Главный же его «конек» — прозаическое повествование о том, что он видел. Повествования без лишнего многословия, с умелым подчеркиванием деталей, четкой передачей прочувствованного и раскрытием характеров. Да еще и с романтикой. Помните, как в устном изложении они завораживали слушателей в «Школе общества учительниц»? А когда Алексей живет в доме Калюжного, эти рассказы начинают появляться и на бумаге. Правда, не сразу — поначалу он, как прежде, поглощает любую попавшуюся на глаза новую книгу,

практически создает себе гимназию на дому — у Калюжного неплохая библиотека.

Так продолжается то «бессистемное чтение», за которое его уже упрекали друзья. Он поглощает все: и математику, и философию, и беллетристику. Тем более что этому никто не мешает — у него отдельная комната, нет шумных гостей, не отвлекают диспуты «коммунаров». Вновь увлекается Ницше и Шопенгауэром: идеи крайнего индивидуализма «сильных личностей» привлекают его настолько, что и впоследствии он воплощает их в некоторых своих героях. Калюжный же против такого чтения — в частых беседах на самые разные темы он пытается убедить молодого человека: изучение философии требует определенной предварительной подготовки, необходимо больше читать хорошую художественную литературу. А слушая рассказы Пешкова, не раз советует ему: «Пиши все это!»

«Горький очень много нам рассказывал о том, что ему приходилось увидеть, вспоминал Алексей Мефодиевич. — У него была изумительная художественная память и, несмотря на возраст, колоссальный опыт. Он замечательно рассказывал обо всем. И тогда я говорил, что с таким опытом увидеть, вспоминать Алексею Мефодиевичу не писать. Впрочем, он и сам знал это. Он только искал себя, искал Горького. Уже ко мне он пришел с какими-то тетрадками, в которых были его заметки. Я никогда не спрашивал его о них... Поразительная память и огромный ум позволяли Горькому все схватывать на лету. В нем тогда уже чувствовалось огромное творческое дарование. «Брат меньшой — ум большой», — говорил я иногда в шутку, а сам он часто качал кудлатой головой. «И откуда у меня это желание, — говорил тогда он, — все выдумывать, вы-

думывать, выдумывать».

Наконец, Алексей следует советам старшего товарища. Некоторые исследователи творчества Горького, в том числе Николай Шебуев (еще в 1903 году) и уже упоминавшийся здесь Груздев утверждают: Калюжный попросту запирает жильца на замок и не выпускает, пока тот не создаст «Макара Чудру». Это, мягко говоря, фантазия. «Алексей Максимович жил у меня своей, отдельной комнатой, — свидетельствует Калюжный. — И когда начиналось его творчество, я ему не мешал... Единственное, что я внушал Горькому — это уверенность. Человек он был не робкий, но уверенности в своих силах у него тогда не было, потому что не было и серьезного творческого опыта... Рассказ «Макар Чудра» он написал по своей инициативе».

Конечно же, оба мечтают увидеть напечатанным что-нибудь из написанного Алексеем. А в Тифлисе тогда издаются три газеты на русском языке: официозный «Кавказ», либерально-интеллигентское «Новое обозрение» и «Тифлисский листок», как бы сейчас сказали, таблоид — с рекламой, новостями и «малыми литературными формами». Казалось бы, никому не известно автору да еще с рассказом, в них ничего «не светит». И тут надо отметить еще одно неверное утверждение — о том, что Калюжный лично отнес рассказ своего товарища в «Кавказ». Потому что там работал фельетонистом его хороший знакомый Владимир Цветницкий. Этот широко образованный человек с бойким пером, да еще занимающийся педагогической деятельностью, пользовался уважением в редакции.

ДРУГ КАЛЮЖНЫЙ И ПОДРУГА КАМИНСКАЯ

«Максимыч охотно исполнил мой совет, выбрал без моих указаний рассказ «Макар Чудра», написанный им, думается мне, в одну из ночей после моих настояний», — вспоминает Калюжный. Этот рассказ он сам и относит в газету, там же выбирает и псевдоним «Максим Горький». Еще до этого он говорит Калюжному: «Не писать же мне в литературе «Пешков». Прочитав рассказ, Цветницкий проникается расположением к молодому автору и обещает напечатать его. Слово свое он сдерживает. Наборщик Георгий Кузнецов, работавший в типографии «Кавказа» на Лорис-Меликовской (ныне — Гудиашвили) улице, хорошо запомнил, как в цех принесли рукопись «Макара Чудры». В то лето в девяти номерах набирали с продолжениями скучнейшую статью некоего Ерицева «Азиатская холера в Закавказье». А наборщики — первые и самые внимательные читатели, проверяющие автора на «читабельность».

«Мы с нетерпением ждали окончания этих надоевших всем газетных подвалов, — вспоминал Кузнецов. — И вот первая работа, которую мы получили после статей Ерицева, была рукопись незнакомого нам автора... Набор этого рассказа был поручен нам двоим. Мы на всю жизнь запомнили этот сейчас всему Союзу известный почерк... Не передать того вос-

Александр Калюжный

торга, который был вызван этим рассказом. Рабочие типографии, не дожидаясь выхода газеты, по несколько раз прочитывали рассказ в гранках». Ему вторит его напарник Алексей Лабутин: «Когда принесли рукопись и начали набирать — глазам своим не поверил. Показал товарищам, и стали мы ее тут же в цехе читать. А потом пришли в цех двое, оба очень просто одетые, мы узнали, что это Горький и Калюжный. Горький интересовался, как его произведение будут набирать и печатать. Как сейчас помню, в газете заголовки — «Макар Чудра». Я его набирал «кучерявым 12-пунктовым шрифтом».

Наверное, восторженным оценкам Кузнецова можно сделать скидку на время, в которое они были сделаны. Шел 1936-й год, страна хоронила Максима Горького — попробуй не восхищаться творчеством «основателя

социалистического реализма»! Но рассказ-то действительно хороший, вот и случается настоящее чудо: произведение дебютанта проходит цензуру, его никто не сокращает, не правит, и 12 сентября 1892 года оно появляется в номере 242 «Кавказа». Так в столице Грузии рождается писатель Максим Горький.

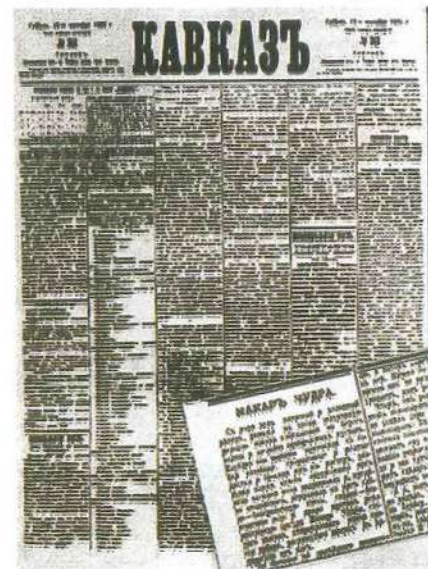
Встретив на улице Цветницкого, он не сдерживает эмоций: бросается ему на шею и расцеловывает. Тот тоже раскрывает объятия: «Пишите!» А потом, уже при Калюжном, повторяет: «Он может писать!» Калюжный пророчески отвечает: «Писать-то может, но все это не для газеты». И действительно, когда Алексей приносит в «Кавказ» поэму-сказку «Девушка и смерть», ее ждет совсем иная судьба. Она не проходит редакторскую цензуру: слишком «неприлична» и может скомпрометировать «порядоч-

ную газету».

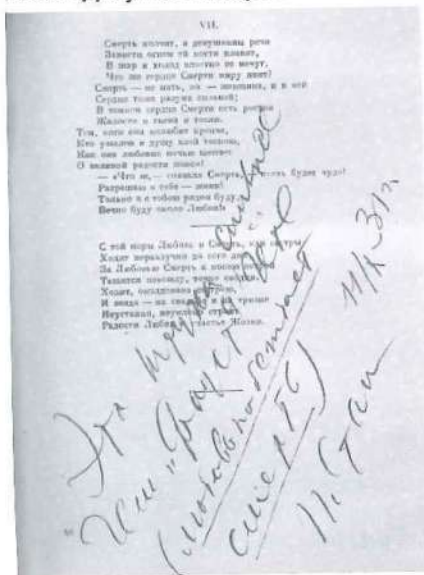
Кстати, эту единственную сохранившуюся поэму своего тифлисского периода Горький, даже став знаменитым, сумел напечатать лишь в 1917 году. И то — в издаваемой им самим газете «Новая жизнь». И цензура тут ни при чем, в редакциях ее не считали сильной вещью. А отклик Сталина на эту поэму стал одной из самых крылатых фраз. В 1931 году Горький читает ее приехавшим к нему Сталину и членам правительства. И писатель Всеволод Иванов утверждал, что Алексей Максимович говорил об этой встрече тоном глубоко оскорбленного человека. Карандашная резолюция вождя на книге, по которой читал Горький, звучит издевательски: «Эта штучка сильнее, чем «Фауст» Гете». При чем тут «Фауст»? Почему поэма, которой автор гордился, названа «штучкой»? А вот поэт Осип Мандельштам, прочитав сталинский отзыв, сказал жене: «Мы погибли». Возможно, одним из первых понял: вождь всерьез берется за литературу...

Горький всегда помнил, какую роль Александр Калюжный сыграл в его жизни. Вот отрывки из его писем, написанных в различное время: «Другу и учителю, которому я обязан неисчислимо многим, с чувством горячей благодарности... Поверьте, что едва ли есть день моей жизни, в который я не вспоминал бы о Вас»... «А я вас люблю и уважаю, и нет силы, коя могла бы вытравить из моей души эту любовь и уважение»... «Дорогой друг, Вы были первым человеком, который отнесся ко мне воистину по-человечески»... Калюжный реагировал на это так: «Если я и был учителем Горького, бессознательно, своей естественностью»... «Любил его и потому дружески относился к нему. Чувствовал, что сила большая растет».

Первая публикация Максима Горького

Надпись, сделанная И. Сталиным на книге «Девушка и смерть»

автобиографического, одного из поздних рассказов Горького «О первой любви».

И вновь следует ее совету. В Тифлисе его больше ничего не держит. Через Баку, по Каспию и по Волге он добирается до Нижнего Новгорода. Она приезжает к нему. Но это — уже совсем другая история, не имеющая отношения к Грузии.

УЗНИК «ЗАМКА МЭТЕХ»

Снова Алексей Максимович появляется в Тифлисе через 6 лет, уже став широко известным писателем Горьким. Но встречают его не восторженные читатели, а жандармы. И размещается он не в гостинице,

а в тюрьме. Ибо он — «политический арестант». Тифлисское губернское жандармское управление 20 июня 1897 года открывает двухтомное дело в целых 917 страниц «по обвинению тифл. гражд. Федора Афанасьева и друг». На работе у горьковского товарища, соратника по «Красногорской коммуне» и спутника по бакинским приискам обнаруживают, как зафиксировано в протоколе, «издания лондонской и женеvской прессы». То есть нелегальную литературу. А дома, среди прокламаций, типографских шрифтов, запрещенных книг — еще и фотографию с надписью: «Дорогому Феде Афанасьеву на память о Максимыче».

Тифлисские жандармы узнают: связи Афанасьева тянутся в различные города, и решают, что существует целая сеть «социально-революционных кружков». А полковник с «говорящей» фамилией Дебиль и ротмистр

Метехский замок. Вторая половина XIX века

Таким М. Горький видел Тифлис из окна камеры

Конисский и вовсе задумывают организовать сулящий им блестящую карьеру политический процесс. Горький, на всю Империю! Его центральной фигурой должен стать Афанасьев, а Горький — одним из главных действующих лиц. Еще бы — пишет, начитан, не имеет постоянной работы... Сколько людей по таким причинам попадали в поле зрения российских «органов» во все времена! Писателя, живущего в Нижнем Новгороде, решают допрашивать только в Тифлисе. И вот, полковник Евецкий шлет из Нижнего Новгорода в Тифлис две телеграммы. 5 мая 1898 года: «Упомянутый в требованиях вашем N996 подлежащий обыску, аресту Алексей Пешков выбыл в Сызрань. Требование направлено по принадлежности». Через два дня: «Пешков обыскан, арестован сего дня. Отправлен железной дорогой Тифлис».

Радостный Дебиль выдает конво-

иру квитанцию N1115 о том, что «11 сего мая политический арестант, упомянутый в отзыве от 10 мая за N321, с пакетами за N321 и 615, запечатанным током с вещественными доказательствами, золотым кольцом и деньгами 22 р.71 коп. принят, в чем подписью и приложением печати удостоверяется». А на следующий день уведомляет ротмистра Конисского, «что названный Пешков вчера доставлен в Тифлис и заключен в Тифлисский Метехский замок», предлагая «немедленно допросить Алексея Пешкова, снять с него фотографию и составить протокол примет». Предложение выполняется, правда, золотое кольцо Горькому все же возвращают. А в «Сведениях об арестанте», в пункте 22, появляется запись: «Основания привлечения к настоящему дознанию: показания свидетелей, указывающих на преступную деятельность Пешкова (по рабочему вопросу)».

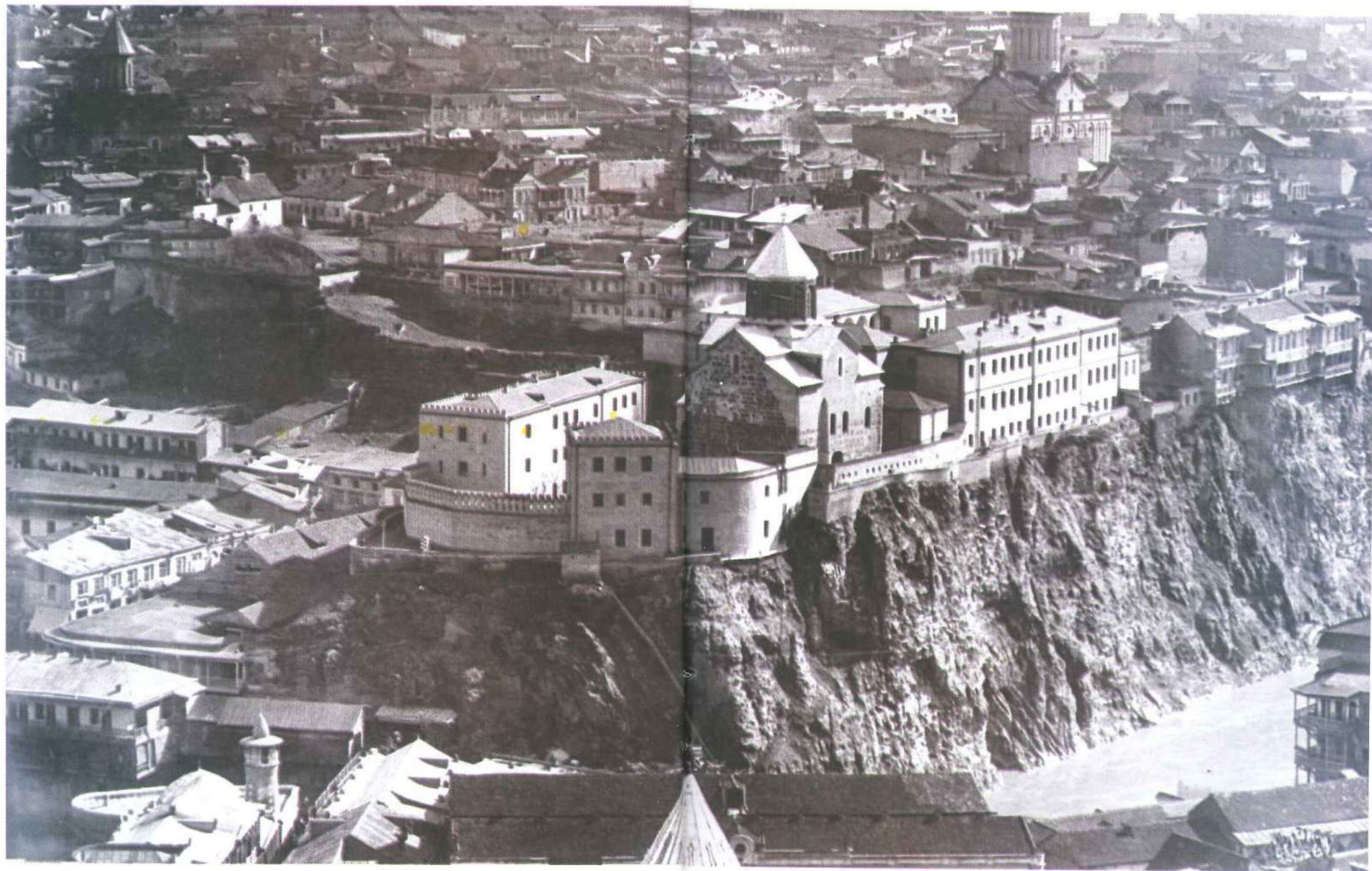
Кто же засвидетельствовал эту преступную деятельность? Лишь двое. Первый — бывший «коммунар» и студент учительского института Магалов «о Пешкове заявил, что тогда же был поражен его явною политическою неблагонадежностью, равно, как и Афанасьева, выражавшеюся в особенно резких, крайних его суждениях, особенно по рабочему вопросу, высказывавшихся Пешковым Афанасьеву. Так что, полагает, настоящее озлобленное против-правительственное направление Афанасьева есть прямое последствие влияния на него Пешкова, кичившегося своими знаниями без получения правильного образования». Второй, давший показания, — товарищ Афанасьева, железнодорожный машинист Идзиковский сообщил о еще более «страшных грехах» Горького. Оказывается, «в высшей степени подозрительный чело-

век: начитанный, хорошо владеющий пером, он исходил почти всю Россию (все большую частью пешком); некоторое время с какими-то целями проживал на Волге среди бурлаков, в Тифлисе же прожил около года без определенных занятий и куда-то отсюда выехал».

Ясно, что с такими «доказательствами» процесс не создашь, тем более, что от действительно близких Горькому людей добиться ничего не удастся. Рохлин «о разговорах Пешкова с Афанасьевым, которые могли бы обратить его внимание по рабочему вопросу, уклонился от показания, заявив, что таковых лично не слышал». Калюжного ротмистр Конисский приглашает к себе домой. «У вас, кажется, жил Пешков? Вы знаете, что он ныне арестован и привлекается?» — «Совершенно напрасно!» — «Что вам известно о политических воззрениях

Вид на крепость Нарикала

Пешкова?» — «Ровно ничего. Его воззрения очень определенно изложены в его печатных сочинениях». Следующего вопроса не последовало, ротмистр показал 4 тома сочинений Горького на своей полке...

Афанасьев и вовсе разыгрывает комедию. «Когда ему были представлены найденные у него же в помещении на обыске фотографические карточки Пешкова и Магалова, сказал, что этих личностей он видел на похоронах своей матери, они его утешали и дали на память свои карточки, а кто они — он не знает, и фамилии их ему не известны». И, наконец, допросив самого Горького, жандармы констатируют: «Допросом этим ничего, имеющего значение для дознания, не выяснено». Более конкретно: «Знакомство свое с Афанасьевым и проживание с ним в одной квартире в Тифлисе допрашиваемый (Пешков) подтвердил, а постоянные свои с места на место передвижения объяснил тяжелым нравственным состоянием вследствие неудачной любви». Ничего крамольного не выявляется и

М. Горький с сотрудниками ОГПУ на Соловках

в привезенных в тюках 500 письмах Горького, ворохах писем и бумаг.

А как же чувствует себя лишенный воли писатель? Поезд под конвоем из Владикавказа в Тифлис не лишает его удовольствия любоваться природой. «Сравнительно — все обстоит недурно, — пишет он жене. — Меня отправили в Мэтех или Метэх — тюремный замок на берегу Куры, на высокой скале. Заперли меня в камеру, и я проспал чуть ли не целые сутки, потому что во время переезда по Военно-Грузинской дороге не мог уснуть, хотя и был утомлен, — изумительно хороша эта дорога!» Нет претензий и к условиям содержания: «Камера у меня большая, 10 и 7 шагов, в ней два окна на Куру и прекрасный вид на азиатскую часть города, разбросанную на крутой горе, очень оригинальную и своей жизнью и физиономией. Я смотрю из окна и наблюдаю, как работают за рекой против меня кожевники, как проводит свой день одна маленькая девочка».

Теперь — о деталях тюремной жизни: «Внешние условия, здоровье,

самочувствие — все это вполне удовлетворительно — и, право, я жывал в условиях неизмеримо худших... Иду мыться, потом пью чай, читаю, пишу, смотрю в окно — до обеда. Обед приносят в полдень. Дают два блюда, — первое — нечто универсальное. В этом ястве соединены все виды круп и овощей, есть в нем мясо, есть перец, иногда есть соль, но никогда нет ни тараканов, ни каких-либо иных насекомых — и именно это последнее и чрезвычайное обстоятельство и является главным достоинством кушанья. Потом дают котлеты — прекрасные котлеты для наказания чревоугодников! Я их ем, ибо я понимаю: смертных затем и сажают в тюрьмы, чтоб они испытывали кое-что неприятное. Еще я покупаю яйца, булки, сыр и — говоря серьезно — в общем, питаюсь хорошо... После обеда — повторяю программу утра. Часов в шесть — пью чай. Опять читаю, пишу, смотрю в окно. Ложусь, по обыкновению, поздно. В камере всю ночь, до утра, горит лампа...».

Вспоминал ли Алексей Максимович о таких условиях своего заточения, когда в 1929-м вместе с чекистами осматривал СЛОН — страшный Соловецкий лагерь особого назначения? Когда воспевал в прессе процесс «перевоспитания врагов советской власти», понимая, что на деле жизнь зэков весьма отличается от лакированных картинок, показанных ему? Вот мнение академика Дмитрия Лихачева, бывшего узника СЛОНа: «Я видел Горького в Соловецком лагере и отлично знаю, что он все видел и знал, что там происходит. Один мальчуган рассказал ему об истязаниях, о том ужасе, который творится в лесу... То, что я там видел, не поддается описанию... Горький, конечно, этого не видел, но знал по рассказам

заточенных. Однако, вернувшись в Москву, в 1930 году в журнале «Наши достижения» (!) он опубликовал восторженный очерк о соловецких чекистах, помня их теплый прием и поверив, очевидно, обещаниям, что режим в лагере будет изменен».

«...ДАБЫ НИЧЕГО ПОДОБНОГО НЕ ПОВТОРЯЛОСЬ»

Однако вернемся в камеру Метехского замка, где Горький не только пишет письма, но и по-настоящему работает. Там рождается статья «Праздник шиитов» — наблюдения из тюремного окна дают возможность и полюбоваться видом крепости Нарикала («древнего и мощного сооружения, выдавшего под своими стенами воинов Помпея»), и увидеть жуткие детали шиитского праздника «шахсей-вахсей». Статья, опубликованная в газете «Нижегородский листок» меньше чем через месяц после освобождения из тюрьмы, довольно обширна. Основная ее часть — исторические истоки Ашур — дня поминовения имама Хусейна, картины торжественных шествий и истязаний, которым подвергают себя его участники. А еще есть описание Авлабара — «азиатской части города, рассыпанной по высокой горе, подножие которой буйно омывает быстрая и шумная Кура». Как и в письме жене, восприятие города далеко от романтического любования и, кстати, тюрьма в нем

не упоминается. Тем не менее картина создается впечатляющая:

«Я жил в доме, который стоит над Курой, на высокой скале, и из окон моих видел весь Авлабар, раскинувшийся на противоположном берегу реки. Там ломаные линии домов, разделенные узкими, извилистыми и крутыми улицами, стоят чуть не на крышах друг у друга, поднимаясь от реки до вершины горы; и все они так хаотически скучены, так грязны и неуклюжи, что кажутся громоздким мусором, сброшенным с верха горы и при падении вниз, в страхе и без порядка, прилипшим к ее каменным ребрам. Черепица их крыш, серый камень стен, деревянные пристройки, балконы и террасы, висящие в воздухе, — вся эта масса камня и дерева, громоздясь друг на друга, заставляет думать, что только землетрясение,

могучий толчок подземных сил, мог придать жилищам людей вид такого хаоса.

А Кура, ревущая в узком каменном ложе, между сдавивших ее скал, с пеной гнева бьется в берега, как бы грозя разрушить и смыть с них тяжелые и грязные здания, — Кура наполняет воздух сердитым ропотом и еще более усиливает оригинальность картины и странное впечатление, навеваемое ею.

Кура не широка. Из моего окна можно без усилия перебросить через нее камень во двор дома на том берегу. Этот двор принадлежит богатому персу, старику, который часто выходит гулять на двор и подолгу сидит в одном из углов двора на цыновке под тенью платана, окруженный своими женами, закутанными в белые покрывала, тремя девочками, из которых

старшей едва ли минуло пятнадцать лет»...

Этот текст перекликается и с письмом жене, в нем — уже подробнее об увиденном из-за решетки, детальная картина прибрежного района Тифлиса: «Замок стоит на скале, над Курой, и от стены его до края отвесной скалы не более двух аршин расстояния. Кура — грязна, как кухарка, и ревет, как бешеная. Ее течение настолько быстро, что я удивляюсь, как она не разрушит фундаменты домов, которые она омывает, и не подмывает скалу, служащую основанием замка. Она не широка — я из своего окна различаю физиономии на том берегу. Против моих окон — кожевенные заводы, каменные, правильной кубической формы, дома с плоскими, залитыми цементом, крышами. Целыми днями на крышах работают кожевники. Тут же что-то вроде постоянного двора, куда ежедневно туземцы приводят баранов, ишаков, чем-то нагруженных мулов. В реке иногда ловят рыбу наметкой. Первая линия домов против моих окон стоит в воде, и, постепенно поднимаясь по горе, дома влезают на высоту крыши замка. Они очень оригинальны и грязны, некоторые окрашены в синюю краску — здесь своя эстетика — все они с террасами. На террасах кефуют восточные люди, иногда являются фигуры женщин в широких белых покрывалах. Вижу я также ребятишек, но, кроме злого шума Куры и, иногда, заунывной музыки зурны, — ничего не слышу. А должно быть много шума и движения, много своеобразной жизни среди этих неуклюжих домов, в узких улицах, ползущих по горе... Красивым в этой части города являются развалины тифлисской крепости. Это очень величественное сооружение, напоминающее немного Херсонес — помнишь? —

но более массивное и более прочное кладки. В свое время это укрепление, должно быть, было неприступным и само по себе и по месту устройства. Вот и все, что я вижу из окна». Согласитесь, «этого всего» немало.

Пока Алексей Максимович пишет в узилище, вся Россия уже взбуждена тем, что известного писателя привезли под конвоем за полторы

тысячи верст на допросы, которые не выявили никаких улик. Начинаются протесты в его защиту, друзья «нажимают на рычаги» в обеих российских столицах. Поэтому у жандармов, как говорится, контора пишет. Директор Департамента полиции Зволянский из Петербурга — Дебилю: «Просим Вас уведомить, чем было обосновано требование Ваше об аресте Пешкова и доставлении его в Тифлис и почему Вы признали неудобным допрос его по обстоятельствам в Нижнем Новгороде». Резолюция Дебиля, уже понявшего, что все эта каша заварена зря: «Запросить ротмистра Конисского». Но запрашивай — не запрашивай, а дело прекращать надо. И 28 мая Горького выпускают на свободу под особый надзор полиции.

После его освобождения на стене камеры остаются странные надписи. Рабочий-подпольщик Степан Гаришвили, оказавшийся в этой камере вслед за Горьким, вспоминал: «Я заметил на стенке начерченный чьей-то рукой квадрат, разделенный на клетки, а в клетках — буквы и цифры: 1, 2, 3, 4... А, Б, В, Г и т.д. Внизу под квадратом была фамилия Пешков». В камере же напротив сидит Федор Афанасьев, в отношении которого расследование продолжается, и, когда в коридоре нет надзирателя, они с Гаришвили переговариваются, прильнув к окошкам в дверях. Афанасьев рассказывает о загадочном квадрате: «Это, батенька, телеграф. Наш, тюремный». И объясняет, как, пользуясь таблицей, выстукивать нужные слова... Значит, Горький застает в Метехи друга, из-за которого разгорелся весь сыр-бор, и даже общается с ним.

А ответственность за этот сыр-бор, окончившийся конфузом жандармов, берет на себя бедолага-ротмистр Конисский. Объясняет питерскому на-

чальству, что арест вызван «опасением, чтобы означенный Пешков, после произведенного у него обыска, не выехал бы куда-либо». Причина опасения смехотворна: «До своего прибытия в 1891 г. в Тифлис, Пешков, пройдя пешком из Нижнего Новгорода в Бессарабию, хотел оттуда проникнуть в Румынию, чтобы затем пройти во Францию» (!!!) Ротмистр признает: «Доставление же Пешкова в Тифлис для допросов на месте производства было произведено по личному моему распоряжению... в настоящее время принадлежность его к социал-демократической пропаганде является сомнительною, а вся вина, по-видимому, заключается в попытке образовать в Тифлисе в 1892 г. кружок саморазвития».

Из Петербурга предписывают Дебилю «рекомендовать ротмистру Конисскому действовать в будущем с большею осмотрительностью и вниманием». Дебиль кается: «Все замечания Деп. Полиции я отношу исключительно к себе, почтительнейше прося не считать это каким-либо промахом со стороны ротмистра Конисского. Указание, данное Департаменту Полиции в означенном предписании, принято мною к сведению, дабы ничего подобного не повторялось». В общем, «простите, дяденьки, мы больше не будем!» Надо ли говорить, какую популярность прибавило Горькому «рвение» тифлисских жандармов?

«ВИДЕЛ ВСЕ, ЧТО ПОЛАГАЕТСЯ...»

Проходит еще пара лет, и 7 июня 1900 года грузинская газета «Иверия» сообщает: «Выдающиеся русские писатели Антон Павлович Чехов и Максим Горький (настоящая его фамилия А. Пешков) в данное время сейчас находятся в Тбилиси. Они остановились в гостинице «Северные номера». Вместе с ними молодой художник Васнецов». Уговаривая его отправиться в эту поездку, Горький заявляет: «Художник обязательно должен видеть Кавказ». А еще в компании с ними два врача, очень близкие к творческим кругам. В доме одного из них, Леонида Средина, в Ялте регулярно собираются писатели и художники, а второй — Александр Алексин — врач,

Антон Чехов и Максим Горький

лечащий Горького от туберкулеза. Информация о приезде, опубликованная в «Тифлисском листке» за день до «Иверии», совсем крохотная.

Цель поездки крайне проста — познакомиться с Грузией, отдохнуть на лоне ее природы. Идея эта рождается в ялтинском доме Чехова, подает ее Максим Горький, подобравший приятную компанию попутчиков. «Антон Павлович участвовал в поездке на Кавказ, на которую его вдохновил Алексей Максимович своими восторженными рассказами о величественных красотах Кавказа», — свидетельствует Екатерина Пешкова, жена Горького. Но можно сказать, что и сам Чехов подбивает Горького на экзотическое путешествие. В феврале того же года он пишет: «Зачем вы сидите в Нижнем? Зачем? Что Вам нужно в этом городе?.. Вам надо больше видеть, больше знать, шире знать... Я бы на Вашем месте в Индию укатил, чорт знает куда...». Горький отвечает, что в Индию и вообще за границу

Гостиница «Северные номера», где жили М. Горький и его спутники

не поедет, «а вот пешочком по России... двинуть себя в южные страны» собирается вместе с приятелем. Повторить пешее путешествие ему не удастся, его заменяет идея вместе поехать на Кавказ. К тому же не надо забывать: в Тифлисе у Алексея Максимова есть друзья.

И 29 мая 1900 года сестра Чехова — Мария сообщает в письме: «Вчера проводили Антошу на Кавказ. Он поехал в компании со Срединым, Горьким, Алексиним и Васнецовым, художником. Они сговорились насчет поездки как-то быстро, быстро и собрались. Маршрут их следования: Новороссийск, Владикавказ, Военно-Грузинская дорога, Тифлис, Батум и обратно Ялта». Красота природы Грузии оправдывает ожидания путешественников. А из красот рукотворных на первой же большой остановке — в Мцхете — Горькому запоминаются фрески в Светицховели, «грандиозном соборе, построенном в IV веке». Это — «стенопись в алтаре, могучие, в

два человеческих роста, фигуры двенадцати апостолов... наивные фрески, которые изображали историю римского воина-грузина, который при дележе одежд Христа получил часть их, пошел домой, в свою Иберию, и все мертвое, к чему прикасалась одежда Христа, оживало». Кстати, и «В.М. Васнецов... до слез восторгался любовался живописью алтаря и этими фресками».

Из Мцхета отправляется и письмо Каюкжому: «С какой радостью увижу я Вас, Александр Мефодиевич!.. Мы не виделись с Вами почти 9 лет, но я прекрасно помню все пережитое с вами и никогда не забывал, что именно Вы первый толкнули меня на тот путь, которым я теперь иду. До свидания, до завтра! Максимыч».

Литературными делами в этой поездке не занимаются, лишь спор в гостинице с сектантами-прыгунами становится материалом для очерка, предназначенного «Нижегородскому листку». Горький подробно описыва-

Перед отправлением в Тифлис. Слева направо: Л. Средин, М. Горький, В. Васнецов и А. Алексин

ет, как сектанты, приехавшие к местнику Кавказа с какой-то жалобой, принимают Алексина за важного столичного чиновника, а Васнецова — за духовное лицо в гражданской одежде. И один сектант пытается убедить их и Горького, что только прыгуны исповедуют истинную веру. «Доктор Алексин неприлично хохотал, Васнецов тоже горячился»... Но очерк не печатают, цензор видит в нем «скрытую пропаганду церковной ереси». Такого обвинения у Горького еще не было...

А вот с тифлисскими соратниками по обвинениям в антиправительственной деятельности он встречается с радостью. Многие из них по-прежнему числятся в неблагонадежных, сам писатель под гласным надзором полиции, так что встречи эти не афишируются. Однажды Горький вообще надолго «исчез из гостиницы». Именно политическими причинами можно

объяснить и молчание, окружавшее приезд столь именитых гостей, и желание их самих избегать лишнего шума. В такой степени, что они не написали из Тифлиса ни одного письма. И даже сообщение об их приезде в «Иверии» и «Тифлисском листке» зашло на 4-5 дней. Тем не менее, грузинская столица узнает о них и, конечно же, организует застолье.

Одно из них проводят в честь Горького сотрудники Управления железной дороги и, как сообщает известный грузинский общественный деятель Георгий Туманишвили, «некоторые видные грузинские деятели, бывшие на этом банкете, имели случай убедиться, что А. Пешков относится к ним с полнейшей симпатией». А в верийском саду «Фантазия» приезжих чествуют грузинские писатели. Как и на другие встречи с выдающимися гостями приглашается для выступления неподражаемый исполнитель танца

«Картули» Алексей Алексидзе (Сонгулашвили). Вот что он вспоминает:

«На торжестве были и грузинские танцовщицы. Гости пожелали видеть наши танцы. Я вызвал сначала одну грузинку, потом другую, затем третью... Потом я исполнял также различные танцы, не пожалел энергии и сил. Гостям наши танцы так понравились, что вокруг них (танцев) развернулась оживленная беседа, пошли и тосты. Помню Горького, который взял в руки стакан и произнес следующую речь: «Пью за здоровье той нации, которая создала такой красивый танец, к вящей славе своей». На это «отозвались грузинские писатели, обмен мнений принял настолько оживленный характер, что были позабыты и обед, и музыка».

Поездив по Грузии с Калюжным и другими знакомыми Горького, вся компания в восторге. Длится эта поездка больше двух недель. А чем она завершается для Алексея Максимовича, можно узнать из письма от 8 сентября 1900 года, написанного доктором Срединым из Ялты Калюжному. Врач хочет «оживить и подогреть» впечатления тифлисского друга Горького о встрече в Грузии, посылает ему фотографии «членов странствующей компании» и пишет: «...Сообщу о нашей дальнейшей судьбе после расставания с Вами. Горький с Васнецовым прекрасно проехал обратный путь по «Военно-Грузинской дороге», видел все, что полагается, и Казбек в полном блеске...».

«ОЧЕНЬ МНОГО ХОДИЛ ПЕШКОМ, ПОЗДОРОВЕЛ»

С опозданием сообщает пресса Грузии и о четвертом приезде Горького — в 1903 году. Писатель вновь появляется в приятной компании. Он хочет показать столь полюбившуюся ему страну жене Екатерине и двум приятелям — директору-распорядителю издательства «Знание» Константину Пятницкому и артисту Московского Художественного театра Иосафу Тихомирову. Осмотрев Владикавказ, путешественники 16 июня приезжают в столицу Грузии, где газеты почему-

Максим Горький с женой Екатериной

Гостиница «Лондон», в которой останавливался М. Горький

то лишь через пять дней извещают что «известный русский писатель Максим Горький (А.М. Пешков) приехал в Тифлис и остановился в гостинице «Лондон». Подробности у Екатерины Пешковой:

«Из Нижнего Новгорода мы путешествовали вниз по Волге до гор. Царицына... Из Владикавказа двинулись на лошадях по Военно-Грузинской дороге. Ночевали в Казбеги, а утром отправились в Тифлис, куда прибыли вечером и остановились в гостинице. В Тифлисе мы провели несколько дней. С горы Св. Давида (Мтацминда) мы наслаждались видом на город, осмотрели Ботанический сад. Алексей Максимович показал Метехский замок, где он весной 1898 года находился в заточении. Посетили мы и А.М. Калюжного».

В один из этих дней Горький встречается с Иваном Полумордвиновым — переводчиком его произведений на грузинский язык. Говоря о русских писателях, Полумордвинов сообща-

ет, что сейчас переводит Чехова. А затем, естественно, разговор переходит на грузинскую литературу. «Я назвал несколько передовых грузинских писателей: Илью Чавчавадзе, Акакия Церетели, Александра Казбеги, Эгнате Ниношвили, — вспоминал Полумордвинов. — Горький попросил подробнее остановиться на каждом. Я постарался также затронуть творчество Шота Руставели. Я знал наизусть некоторые места из «Витязя в тигровой шкуре», процитировал стихи и тут же перевел их на русский язык. Горький остался чрезвычайно довольный беседой».

После этого путешественники осматривают Гори и пещерный город Уплисхихе. Потом писатель решает в одиночку подняться на гору с Горийской крепостью. Прошел дождь, трава и земля промокли, Горький скользит, а затем падает, катится по склону. На его счастье за ним поднимается молодой человек, который потом вспоминал: «Схватился одной рукой

Михаил Джавахишвили

за куст, другой за падающего человека, остановил его и ошеломлен: узнал великого писателя Горького». Они разговорились, спаситель признается, что мечтает стать писателем, хотя у него агрономическое образование. Горький одобряет это и дает советы: «На арену писательской деятельности выходили тысячи, а удерживались и сохранялись только десятки... Только проявив трудолюбие, можно встретить признание читателя... Сад и виноградник — великолепная вещь, лучше всего. Днем работайте там, а вечером пишите». Осмотрев крепость, они спускаются, и Горький отправляется на железнодорожную станцию... Молодого человека зовут Михаил Джавахишвили. Он станет большим писателем и сгинет в застенках ОГПУ, с руководителями которого Горький так дружил в последние годы своей жизни.

Потом гости едут в Батуми и Чакву, а по возвращении в Тифлис смо-

трят два спектакля, данных в честь Горького. Оба раза показывают «На дне». У жандармов — своя «рецензия» — ротмистр Хуциев сообщает: автор пьесы пожертвовал 300 рублей местному комитету социал-демократической рабочей партии. А поездка по Грузии продолжается: Хашури — Боржоми — Бакуриани и уже без сопровождавшего их Калюжного — Ахалцихе. В Абастумани их встречает отдыхающий там знаменитый художник Михаил Нестеров. Слово ему: «В то время Максим Горький был «во всей славе своей». Молодежь быстро узнала о его приезде. Во время обеда нашу террасу закидали цветами. Демонстрация длилась до конца обеда и изрядно утомила Алексея Максимовича. После обеда я показал гостям свои работы. На другой день рано утром путешественники отправились дальше, через Зекарский перевал в Кутаис». А там — целая череда интересных встреч.

Первая — в деревне Багдати, недалеко от этого города. «Какого занятного лесника я встретил», — говорит Горький жене. А лесник рассказывает хозяину снимаемого им дома: «Представь себе, к нам, в лесную сторожку пришел отдохнуть Горький. Он направляется в Кутаис. Немного поговорил и ушел со своими спутниками». Фамилия лесника — Маяковский. Его сыну Володе тогда было десять лет... В Кутаиси писатель хочет посмотреть древний храм Баграта и, узнав об этом, туда же отправляются актеры Юза Зардалишвили, Давид Бакрадзе и Александр Арабидзе. Они знакомятся, переводят гостю рассказ местного монаха, а спустившись с горы, вместе осматривают и монастырь Гелати.

И тут приходит телеграмма из Нижнего Новгорода: заболела дочь писателя Катюша. Екатерина Пешко-

ва вынуждена отправиться домой, ее сопровождает Тихомиров, а Горький с Пятницким, проводив их от Сухуми до Новороссийска, возвращаются в Кутаиси. Об этом возвращении жалеть не приходится. Председатель Союза учителей Западной Грузии Ясон Николаишвили, сочувствующий социал-демократам, устраивает грандиозный торжественный ужин, пригласив около двадцати передовых представителей грузинской интеллигенции. Горький приходит прямо из театра, вместе с выдающимся актером Ладо Месхишвили, которого знает еще по своему первому появлению в Грузии. И знакомится с великим грузинским поэтом Акакием Церетели, общественным деятелем Кириллом Лордкипанидзе, писателем Силованом Хундадзе, врачом Петром Дондаровым, другими интересными людьми.

Хозяин дома, что называется, разворачивается вовсю. Зная, что Горькому нравится грузинская кухня, привозит из родного села свою мать, славящуюся умением готовить. Из Аджарии выписывает вино чхавери: «Я угощу вас нашим грузинским шампанским». Вино очень нравится гостю, как и танец «картули», который исполняет для него супруга Николаишвили. Горький по-настоящему растроган таким приемом, с восторгом вспоминает его при жене, а об Акакии Церетели отзывается с особой теплотой: «Пишет ясно, просто, понятно, реалистически».

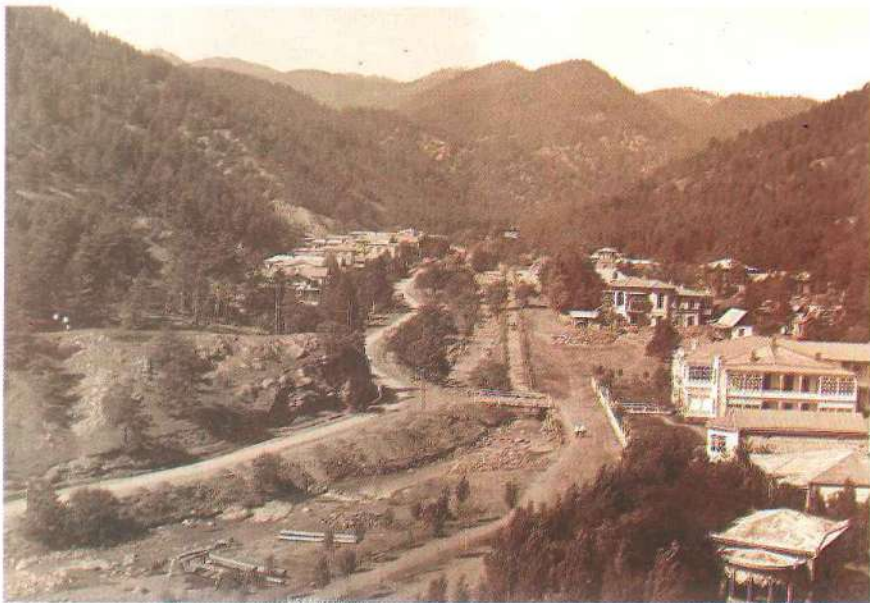
Вторая встреча Горького в Кутаиси носит уже несколько конспиративный характер. Встретиться с автором «Песни о Буревестнике» хотят не просто передовые, а настроенные откровенно революционно представители интеллигенции. Среди примерно двадцати человек — Филипп Махарад-

Отец Владимира Маяковского

зе, будущий председатель Совета Народных Комиссаров Грузинской ССР и Алеша Джапаридзе, ставший одним из 26-ти бакинских комиссаров. Встреча, организованная доктором Дондаровым проходит в саду, примыкающем на берегу реки Риони к больнице, в которой он работает. С десяти вечера до трех утра здесь обсуждают революционное движение, крестьянские волнения в Западной Грузии. Вообще же, большинство кутаисцев не знает о приезде Горького — в городе не издается ни одной ежедневной газеты. Узнать об этом можно только от осведомленных людей.

Так происходит и с революционно настроенным служащим Губернского управления государственным имуществом Михаилом Гурешидзе. Его сослуживец, социал-демократ, сообщает о Горьком и предлагает пойти

Абастумани. Начало XX века

к нему в гостиницу на Тифлисской улице. Оба уже бывали в ссылке, и Горький проникается к ним большим расположением. Беседуют они долго, а на следующий день Гурешидзе с Горьким и Пятницким едут в еще один древний монастырь — Моцамета. На обратном пути Горький хочет видеть «приезжих крестьян где-нибудь в кабачке». И вечером они отправляются в «один из духанов близ «Красного моста», в начале тракта Кутаиси-Они, где обычно собирались крестьяне из Рачи и окрестных сел». Гость наблюдает за крестьянами, слушает их песни, и одна из них — «Оделиа рануни» нравится ему настолько, что он просит перевести ее на русский язык.

Ну а с Гурешидзе Горького связывает особая история. Узнав, что его «гиду» вскоре «светит» еще одна ссылка, писатель предлагает ему уе-

хать за границу. Услышав, что денег на такую поездку нет, делает еще одно предложение — от которого трудно отказаться: «Денег я вам дам, только с собой сейчас у меня нет достаточной суммы. Оставьте мне адрес. По приезде в Нижний, я вам вышлю». Адрес записывается на какой-то книге, хотя Алексей Максимович признается: «У меня привычка: куплю книгу, прочитаю и сдам ее в ближайшем же городе в библиотеку». Очевидно, так происходит и на этот раз.

Тщетно прождав обещанные деньги, Гурешидзе пишет в Нижний Новгород: «Вероятно, вы потеряли мой адрес, и поэтому я не имею от вас известий». Горький честно отвечает, что адрес действительно потерял, а деньги немедленно высылают. «Но, к сожалению, могу достать только 200, — пишет он. — Куда направить

Михаил Нестеров. Автопортрет

остальные? Могу сделать это через несколько дней. Застанут ли вас эти деньги в Кутаиси?» Не застали. Гурешидзе хватило 200 рублей, чтобы раздобыть заграничный паспорт и исчезнуть в Европе. Горькому он пишет уже из Женевы, тот сам предлагает ему еще 100 рублей. Так вносится писательский вклад в грузинскую политическую эмиграцию.

Но все это будет позже, а тогда Алексей Максимович отправляется из Кутаиси в Они, что в горной Верхней Раче и приходит к врачу по фамилии Джапаридзе, отдыхающему у своего дяди. Представляется: «Писатель Горький», но доктор и без того узнает этого человека в «большой белой осетинской шляпе с широкими полями». У гостя — письмо от родственника врача, революционера Алеши Джапаридзе с просьбой хорошо встретить писателя и помочь ему в путешествии через Мамисонский перевал в сторону России. Вечером онцы, конечно,

организуют вечеринку в честь гостя, а наутро провожают его в дорогу к перевалу через горное село Уцера.

Об этом, очередном пешем походе, можно прочесть 20 июля во владикавказской газете «Казбек»: «Нам сообщили, что известный писатель Максим Горький (А.М. Пешков) 10 июля около 5 часов утра вышел пешком из Кутаиса во Владикавказ. Маршрут взят через м.Они, Мамисонский перевал и сел. Алагирское. Весь переход состоял из 200 верст». После двухнедельного пути Горький сообщает режиссеру Леониду Сулержицкому, что «вернулся с Кавказа, где было хорошо». В Грузии он пробыл без недели месяц. Итог путешествия подводится в письме Калюжному: «Прогулялся — хорошо — очень много ходил пешком, поздоровел».

«ЗДЕСЬ Я КОЕ-ЧЕМУ ПОУЧИЛСЯ»

До следующего приезда Горького проходит целая четверть века. В Грузии, уже давно ставшей советской, он появляется летом 1928-го, с сыном Максимом, в рамках большой поездки по стране. И это уже совсем не тот человек, что бывал здесь раньше. Он недавно приехал в СССР из Италии в ранге «великого пролетарского писателя», «буревестника революции» и «основателя социалистического реализма». С ним «дружат» Сталин с приближенными, его произведения стали обязательными в учебных программах. Он может проследиться

по любому поводу, любит давать указания, иногда похожие на лозунги, и уже не ходит пешком на большие расстояния. В мае 1928 года на торжественном заседании Моссовета, посвященном его приезду, народный комиссар просвещения СССР Анатолий Луначарский заявляет, что Горький «и сейчас еще умеет запустить руку в свое большое горячее сердце и выбросить оттуда пригоршню сокровищ, которыми богаты будем не только мы, но и дети наши и внуки». Перед появлением в Грузии эти «пригоршни разбрасываются» в Украине, Крыму и Азербайджане. А в 9 часов вечера 23 июля «рабочие, приехавшие из города, и красноармейцы» устремляются на станцию Навтлуги к последнему вагону поезда, прибывшего из Баку.

Из его окна машет Горький: «Пожалуйста, пожалуйста», но в вагон, конечно, никто не входит. Зато под окном раздаются возгласы, славящие «пролетарского писателя» и «нашего

любимейшего друга». Поэт Варден Кипиани-Гванкители читает свои стихи на грузинском и русском, а в прозе заявляет: «Ваше великое имя, идеи и бессмертные произведения, которые служили светочем и путеводным маяком пролетариату, воздвигли в сердцах наших нерукотворный памятник, на котором красными буквами начертано: «Вечно живы те, которые завоевали любовь всего народа». Подобное в СССР адресовали, пожалуй, только вождю. Впрочем, теперь Горький тоже вождь — литературы... Из медленно отходящего поезда доносится: «Друзья мои, я вас никогда не забуду! Я так взволнован вашими приветствиями. Примите мой глубокий привет».

А на тбилисском вокзале — уже тысячи людей. Газеты сообщают, что «встречают писателя не аплодисментами, не овациями — раздражается настоящая буря». Среди встречающих — первый секретарь Закавказского краевого комитета ВКП(б) Мамия Орахелашвили и Шалва Элиава, председатель Совета Народных Комиссаров Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, объединявшей в то время три страны Южного Кавказа. Словом, визит проходит на высшем правительственном уровне.

Горькому отводят второй этаж Дома писателей на улице Мачабели. Отдохнув, он спускается к местным литераторам, ждущим его в зале, но из-за жары все переходит на веранду. Гость подчеркивает, что питает к Грузии и, в частности, к Тбилиси особые чувства, каждый приезд доставляет ему большую радость. Писатели интересуются его мнением о западноевропейской и русской советской литературе. Он заявляет, что в «западно-европейской литературе в настоящее

Здание Союза писателей Грузии

время проявляются мистика и порнография». А из русских писателей высоко оценивает Пришвина («богатый язык и знание тайн природы») и Федина («почти всегда решает жизненные проблемы на философском уровне»).

Конечно же, говорят и о грузинской литературе. Горький сообщает, что из классики он знает произведения Руставели и Акакия Церетели, вспоминая: «Когда я приехал в Тифлис, и вместе со своим другом шел по городу, мое внимание привлекла библейская фигура одного старца. Во время второй встречи я узнал, что это был поэт Акакий Церетели. Несколько позже я в одной русской газете случайно прочитал информацию о юбилейных торжествах в честь Церетели. И тогда для меня стало ясным — как любят грузины своего поэта». Но современная грузинская литература

мало переводится на русский язык, как и армянская, азербайджанская и другие. И, по словам Горького, «надо создать в республиках и в Москве специальные журналы, предназначенные для популяризации литератур братских республик».

Разговор продолжается на банкете, организованном в том же Доме писателей. С присутствием «руководящих деятелей партийных организаций и правительства Грузии и Закавказья». Писатель Михаил Джавахишвили в приветственном слове, пожелав гостю долгой жизни и отметив его роль «в развитии революционно-демократической литературы», напоминает об их встрече Гори. Поэты Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Сандро Эули, Николоз Мицишвили и другие ставят вопрос об издании на русском языке антологии грузинской

Максим Горький с грузинскими писателями

поэзии и прозы. Горький одобряет идею, подчеркивая, что еще до революции хотел сделать это, но не сумел.

На следующий день Алексея Максимовича везут на Земо-Авчальскую ГЭС в Мцхете, одну из тридцати, построенных в СССР по плану ГОЭЛРО. Она производит большое впечатление на гостя, который «долго беседовал с рабочими и обслуживающим персоналом, интересуясь каждой мелочью». Потом он дает интервью газете «Комунисти», в котором восхищается «размахом социалистического строительства» в стране, вспоминает Александра Калужного, «Красногорскую коммуны» и сообщает о своих планах: осенью вернуться в Италию, а с весны будущего года окончательно переехать в СССР. Потом у него остается время для осмотра Музея Грузии и поездки на пригородный горный курорт Коджори. Там, кстати были и детские дома (колонии) для одиноких ребят:

«В Коджорах, на дачах тифлиских богачей — лагеря пионеров, дома

отдыха, детские дома. Детей там, вероятно, более тысячи. Коджоры цвели и сверкали знаменами, медью оркестров. Там был, кажется, съезд учительниц, и часа три мы слушали великолепное исполнение ими народных песен Грузии. Особенно мастерски пели две девицы, одна — блондинка с огромными веселыми глазами и прекрасным, неистощимым голосом, человек исключительно талантливый, так же как ее подруга, тоже искусная и неутомимая певица. Трогательно было задушевное гостеприимство учительниц, их простота и милая гордость волнующей красотой песен своего народа. Группы девушек и детей в саду, на пригорке, под ветвями старых деревьев, в сети солнечных лент напомнили мне лирическую красоту персидских миниатюр».

Вспоминает Ксения Кекелидзе, работавшая в одном из самых больших детских домов: «Взволнованные ожидаемой встречей с великим писателем, мы целую ночь не спали. Едва рассвело, как все уже были на

ногах... Бегали из комнаты в комнату... Хотелось, чтобы все имело особый, торжественный вид. Потом побежали по склонам гор, усеянных яркими цветами. Собрали огромные букеты... А когда он взглянул на нас, мне показалось, что лучи, брызнувшие из его больших глаз, окутали нас теплой волной... У всех одновременно вырвались возгласы радости... Взволнованные, мы окружили гостя. В воздух взметнулись букеты цветов. Он смотрел на нас, на цветы и ласково благодарил».

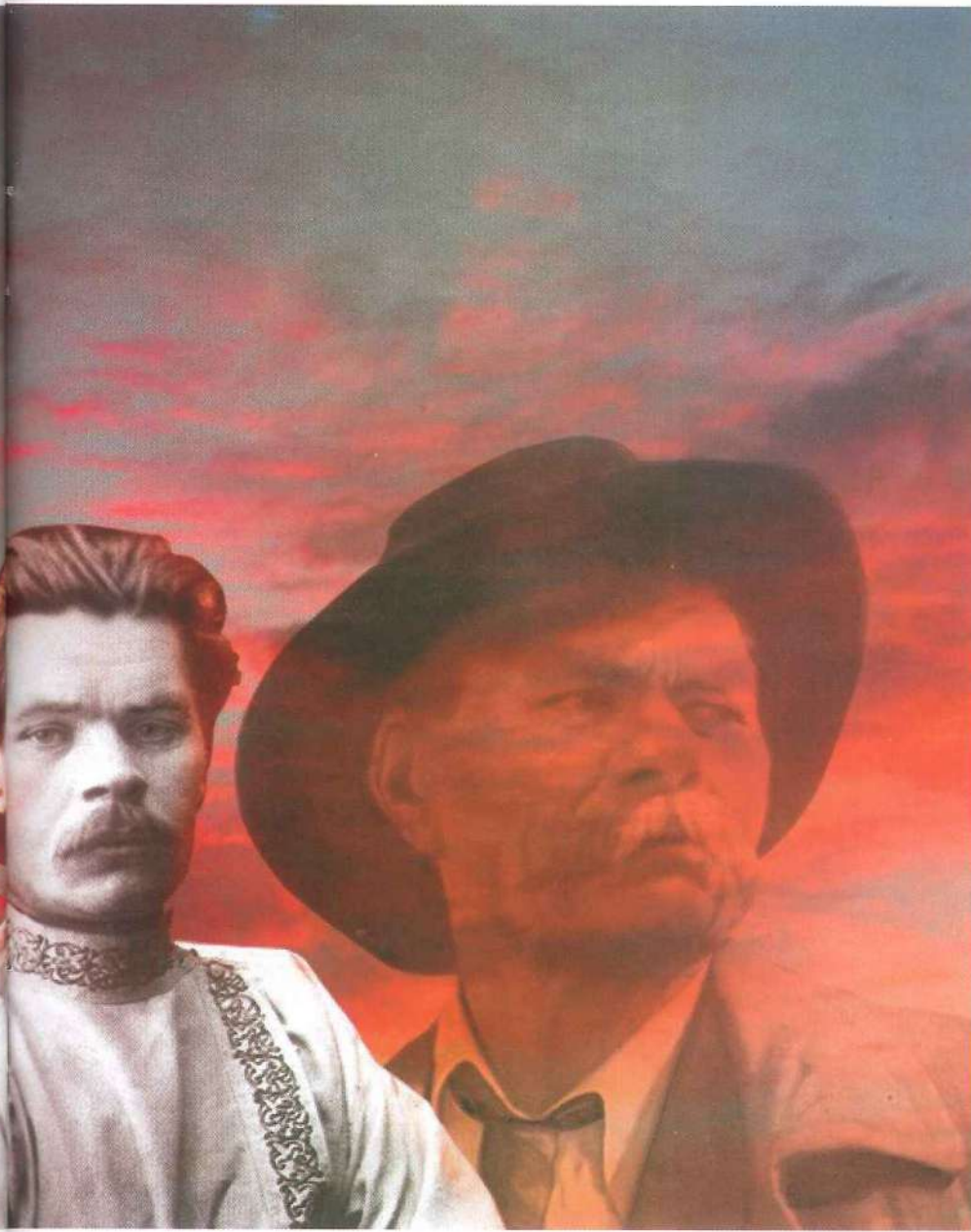
После долгих бесед с воспитательницами Горький не забывает о поучениях: «Воспитание детей — очень почетное дело. На вас, девушки, возлагается большая ответственность! Вы должны воспитать поколение, которое построит коммунизм. Вот ваша задача». Хватает наставлений и для детей: «В старое время, в условиях господства царя и богачей, вы не могли бы стать полезными для страны людьми... Коммунистическая партия и советское государство открыли вам дорогу к светлой жизни, к учению, просвещению и счастью... Враги рабочего класса — и ваши враги. Злобный враг не дремлет, необходимо вооружиться знаниями и умением защищать Родину. Необходимо много, очень много учиться, учиться серьезно и добросовестно». Потом повторяется знаменитая фраза: «Любите книгу, этот величайший источник знаний».

Стол с грузинскими яствами почетному гостю накрывают под большим ореховым деревом. Ест он мало, но неожиданно просит спеть народные песни и начать с «Мравалжамиер»: «Давно не слышал». Ксения запевает вместе с подругой Кето Георгадзе, это и есть те самые «две девицы». Остальные подхватывают, гость одобрительно кивает, и девушки начина-

ют «Цицинателя». А когда они поют «Я крестьянский сын», на его глаза наворачиваются слезы: «Люблю Грузию, грузинский народ, грузинские песни, не могу без волнения слушать их. Они мне напоминают дни молодости, проведенные сорок лет назад в Грузии».

Вечером того же дня — еще одна встреча в переполненном зале Дома писателей. После множества восторженных слов в адрес гостя звучит и мнение Тициана Табидзе о том, что «основной целью приезда русских писателей в Грузию является поделиться опытом, впечатлениями, установить деловую связь». Горький соглашается: «Я думаю, что нам надо наладить взаимный обмен творческими достижениями. Грузинские писатели должны печатать переводы своих рукописей в Москве на русском языке. Также должны делать армяне и татары (азербайджанцы — прим. автора). В свою очередь русские писатели должны печатать свои рукописи и на национальных языках в Тифлисе, Харькове, Казани и т.д.». По окончании встречи, длившейся три часа, он заявляет: «Я вполне удовлетворен беседой. Здесь я кое-чему поучился, узнал много существенного для себя».

Потом Горький на день едет в Ереван, а по возвращении — «интереснейшая беседа с рабочими в каком-то саду, в Тифлисе», которая «приняла характер горячего спора по вопросу о «самокритике». Уточним: действие происходит в бывшем «Немецком саду», отданном Клубу строителей, затем оказавшемся при Доме культуры, носившем имя самого Горького, ныне это «Сад Ильи» на проспекте Агмашенебели. О чем же горячо спорит «отец соцреализма» с рабочими, в том числе с одним «убежденным сторонником беспо-

М. Горький беседует с тбилисскими рабочими. Рис. В. Кроткова

щадного обличения ошибок власти, недостатков ее аппарата?»

Рабочий утверждает: «Надо, главное, чтоб молодежь видела... что мы друг с другом не миндальничаем, не гуманничаем». Но Горький не зря берет слово «самокритика» в кавычки: «Подумайте, сколько ума, сколько энергии мы тратим на то, чтоб рассказать и доказать людям, как они плохи, и представьте, что вся эта энергия тратится на то, чтоб объяснить людям, чем они хороши... Вы должны воздержаться от принятого вами тона. Тон в ваших заметках должен быть доброжелательный, критика должна быть, но отнюдь не то, что мы имеем сейчас». Пространно рассказав о собственном опыте работы с рабочими корреспондентами, большинство из которых «страдает неумением литературной техники, проще говоря — неумением писать», он наставляет:

«Надо учиться, надо устраиваться на какие-то курсы, на которых преподавали бы это умение писать... Возьмите мой пример: я нигде не учился, но я же писатель и умею писать, научился. Почему другие не научатся?» Под конец обязательное: «Пожелаю вам, товарищи, и дальше идти вперед такими же шагами и строить так хорошо начатое великое дело».

«В ПОЛОЖЕНИИ «ЗНАТНОГО ИНОСТРАНЦА»

Между тем власти решают провести в честь Горького расширенное заседание Тбилисского совета депутатов трудящихся. Почему нет, если такое состоялось в Моссовете? Перед его началом гостя везут на Сололакский хребет, ставший тогда уже Комсомольской аллеей. Он умиляется открывающейся панорамой: «Все вспоминаю Тифлис, мой родной город», указывает на Метехи: «А там я сидел в клетке» (вспомним письмо из тюрьмы: «Камера у меня большая, 10 и 7 шагов, в ней два окна»). После приятной прогулки — то самое торжественное заседание. Гостю говорится масса добрых слов, его избирают почетным членом Союза писателей Грузии. В ответном слове Горького — державная назидательность, посталински рубленые фразы:

«Рабочие Грузии любят своих писателей. Помню, как они читали Церетели, Эристова, Пшавела, Чавчавад-

зе, Ниношвили. В трудных условиях приходилось писать грузинским писателям. Они делали большое дело, народное дело. Их надо переводить на русский язык, на языки других народов... Человек может сделать для себя все, что он захочет, если он действительно только захочет... На вас смотрит весь мир, к вам прислушиваются, у вас учатся. Вы победители и вы зовете к победам всех трудящихся... Рабочему классу — новому классу-гегемону, преобразующему жизнь на земле, необходимо также овладеть наукой и обратить ее на служение народу»...

На обязательном после торжественного заседания обеде Алексей Максимович запоминается словами, далекими от социалистического строительства. Они вновь о грузинской музыке: «Когда я впервые попал в Грузию, мое внимание было привлечено богатой грузинской музыкой — песнями. Эти песни я слышал и на дорогах, и на улицах в исполнении крестьян, и они всегда производили

на меня неизгладимое впечатление своей гармоничностью и многоголосьем. Можно сказать, что эти песни уникальны».

Впрочем, многочисленные собрания и застолья настолько утомляют его, что он решает в первой половине дня 27 июля отдохнуть. Сын Максим уезжает в Мцхету, наконец, выполнив наказ отца, данный еще в 1914 году: «Если будешь в Тифлисе, побывай в Мцхете, древней столице Грузии, посмотри там собор». А Алексей Максимович на веранде Дома писателей разбирает почту и беседует с литератором Платоном Кешелав. Узнав, что тот пишет монографию о поэте Важа Пшавела, не может не дать совет «в связи с этой темой изучить поэтический фольклор, которым Грузия так богата». Хвалит грузинских рабочих за их любовь к искусству, театру. Вспоминает, как встречался с писателями Давидом Клдиашвили и Екатериной Габашвили, тепло отзываясь о режиссере Константине Марджанишвили. И выдает очередной

М. Горький с абхазскими колхозниками

М. Горький в СЛОН-е

лозунг: «Грузинское искусство имеет большое будущее. Грузинские писатели должны сыграть в этом подъеме творчества большую роль»...

А вот повидаться с сердечным другом Калюжным ему не удастся – тот был на даче и телеграмму от Горького ему принесли с опозданием. Поездка же живого классика к его старым друзьям официальной программой предусмотрена не была. И Горький пишет через три месяца после отъезда из Грузии: «То, что я не смог, не нашел времени повидаться с Вами, дорогой Александр Мефодиевич, очень тяготит меня. Но случилось так, что помимо моей воли я очутился в положении «знатного иностранца» и с первых дней по приезде... был ошеломлен массой впечатлений, которых не видал, и буйным шумом, от которого отвык за четыре года тихой уединенной жизни... Приехав в Тифлис, узнал, что Вы на даче, решил заехать

к Вам по дороге в Эривань, но это не удалось мне. Уверен, что увижу Вас весною, если удастся проехать отсюда на пароходе до Батума или Одессы. Так или иначе – буду на Кавказе, хочется пожить в Баку, значит, буду и в Тифлисе... Так странно вышло, я не встретился ни с кем из моих личных старых друзей... не напишите ли Вы мне?... А то я опасаюсь, что Вам неприятен факт моего путешествия «мимо» Вас – невольного путешествия, как я уже сказал».

Пробыв в Грузии четыре дня, писатель планирует еще раз появиться в 1929-м – в очередной раз приехав в СССР и возвращаясь в Италию через Батуми. Но, приехав в мае, добираться до Грузии лишь к осени. До этого он побывал в Ленинграде, Мурманске, в лагере на Соловках, на Волге и в южных районах России. На территории Грузии рядом с высоким гостем – вновь местные государственные де-

ятели. Из Сочи в Гагра 6 сентября его сопровождает лично председатель Совета Народных Комиссаров Абхазии Нестор Лакоба, затем до Сухуми – Самсон Чанба, не просто писатель, а еще и глава Центрального Исполнительного Комитета автономной республики. В Очамчире торжественный обед организует председатель райисполкома, известный в прошлом революционер Дмитрий Габуня. Причем делает это настолько удачно, что Горький... и поет, и танцует. Больше такого во время визитов в Советскую Грузию за ним не замечается.

А вот на наставления главный литератор Страны Советов как всегда не скупится – после того, как, осмотрев совхоз в Новом Афоне, прибывает в Сухуми. Молодым писателям: «Читайте, спорьте, попробуйте переводить с абхазского языка на русский, займитесь изучением устной поэзии, собирайте и записывайте абхазские песни, сказки, легенды, описывайте древние обряды и т.д. Все это называется изучением фольклора – устного творчества народов, по преимуществу трудовых масс». Собирателю народных песен композитору Константину Ковачу: «Отсутствие фонографа – это не такая беда в том случае, если вы сами поете абхазские песни. Сами исполняя их, вы лучше усваиваете характер песни и дух народа, вложенный в содержание этих напевов».

Курс на Тбилиси писатель берет утром 8 сентября. Это – его последнее и самое краткое пребывание в грузинской столице. Оно ограничивается «дружеским завтраком» с руководством республики. Горький говорит о «неотложных вопросах пропагандистской и культурно-воспитательной работы», об «усилении мещанства в СССР», о «союзе капитала с самыми темными реакционными

силами на Западе». И рассказывает о «комическом случае» на... Соловках. Писателю-гуманисту запомнилось, как выпускавшаяся для эков стенгазета скалабурлила: «Слыхали, Алексей Максимович приехал? – На десять лет?» Он хохотал, не вдумываясь в трагическую суть шутки... Потом еще поучил жизни, в частности, тому, как надо воспитывать пионеров, и уехал навсегда. Не вспомнив о Калюжном...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Можно вспомнить многое из наставлений-лозунгов бывшего бунтаря, которого сумела приручить советская власть. Но не хочется, хотя он и говорил искренне. Лучше вспомним его живописные строки о Тифлисе. Одни из лучших, оставленных гостями этого города:

«Мы вышли... на улицу полуазиатского города... и тихо пошли по панели, направляясь к Авлабару, одному из предместий. Было душно, раскаленные за день солнцем камни мостовой и стены зданий дышали зноем, все запахи, присущие большим скопищам людей, неподвижно стояли в воздухе, и его не освежали ни вода, бежавшая по канаве рядом с панелью, ни тени от пирамидальных тополей, росших по обе стороны улицы. Они вздымали свои острые вершины выше крыш зданий и, позлащенные заходящим солнцем, стояли, точно два ряда громадных факелов. По улице шли толпы

людей, направляясь в городской сад на берег Куры, единственное место города, где было прохладно... Ото всюду неся гортанный говор; скрипя дверями, армяне запирали свои лавки, вдали гремела военная музыка, грохотали арбы и телеги, проезжая по избитой мостовой; откуда-то с горы лилась непрерывным, трепещущим ручьем... мелодия зурны.

Город стоял в узкой долине между двух высоких гор; долину разрезала бешено мчавшаяся к морю Кура, и здания, толпясь между рекой и горами, казалось, лезли друг на друга, стремясь вырваться из этой ямы... Почти каждый дом был опоясан деревянной террасой, иногда двумя; издали они казались лепным узором на стенах, и теперь на них выходили из домов суетливые и шумные люди, вынося столы и свечи... А высоко над всем этим расстилалась темно-синяя полоса неба, и уже звезды загорались на ней, как бы перемигиваясь с огнями города... Иногда мы проходили

мимо тяжелых, наглухо запертых ворот, и наши шаги вызывали лай и ворчание собак, скрытых за ними. Муэдзин где-то близко призывал к молитве, и над нашими головами плавал рыдающий тенор, задумчиво выпевавший молитву».

И, конечно, вспомним общеизвестные слова Алексея Максимовича о городе над Курой: «Я никогда не забываю, что именно в этом городе сделан мною первый неуверенный шаг по тому пути, которым я иду вот уже четыре десятка лет. Можно думать, что именно величественная природа страны и романтическая мягкость ее народа — именно эти две силы — дали мне толчок, который сделал из бродяги — литератора».

Право, эти две цитаты говорят об отношении к Грузии пятикратного номинанта на Нобелевскую премию намного большее, чем все советы о том, как улучшить в ней социалистическое житие.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	5
«Я БЫЛ РАД ЧЕМУ-ТО. ШАКРО – РАВНОДУШЕН»	9
ПЕРВЫЕ ШАГИ В ТИФЛИСЕ	12
А КАК БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ?	16
«ВЫСОКИЙ, СЛЕГКА СУТУЛЯЩИЙСЯ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК»	22
«ПОЛИВАЮ ИЗ ВЕДРЫШКА ПРОСВЕЩЕНИЯ...»	25
«...УВИДИШЬ, КАК ВСЕ ТЕБЯ ПОЛЮБЯТ»	29
«ЛИЦО ЕГО БЫЛО НЕ ИЗ ВЕСЕЛЫХ»	32
«БРАТ МЕНЬШОЙ – УМ БОЛЬШОЙ»	35
ДРУГ КАЛЮЖНЫЙ И ПОДРУГА КАМИНСКАЯ	38
УЗНИК «ЗАМКА МЭТЕХ»	41
«...ДАБЫ НИЧЕГО ПОДОБНОГО НЕ ПОВТОРЯЛОСЬ»	47
«ВИДЕЛ ВСЕ, ЧТО ПОЛАГАЕТСЯ...»	51
«ОЧЕНЬ МНОГО ХОДИЛ ПЕШКОМ, ПОЗДОРОВЕЛ»	54
«ЗДЕСЬ Я КОЕ-ЧЕМУ ПОУЧИЛСЯ»	59
«В ПОЛОЖЕНИИ «ЗНАТНОГО ИНОСТРАНЦА»	66
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	69

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ჭეშმარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეთექვსმეტე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურულით და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ
заслуженный артист РФ

ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«ТОЛЧОК, КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ ИЗ БРОДЯГИ ЛИТЕРАТОРА» МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

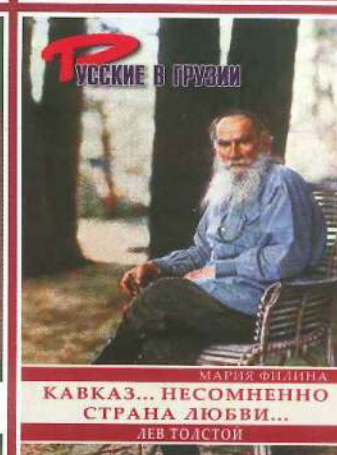
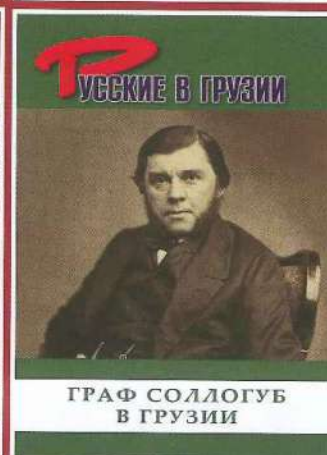
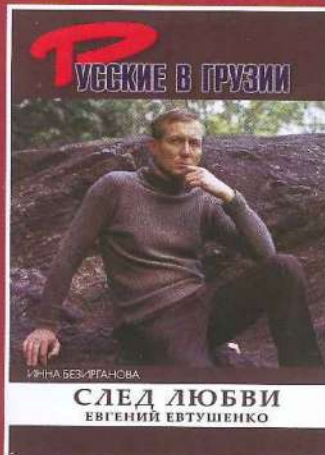
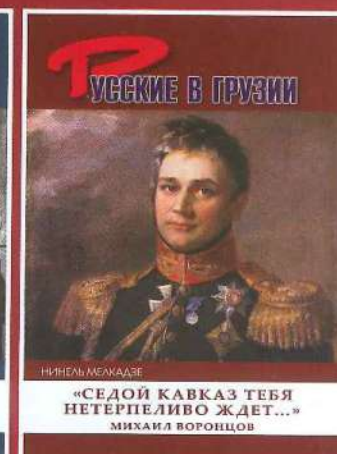
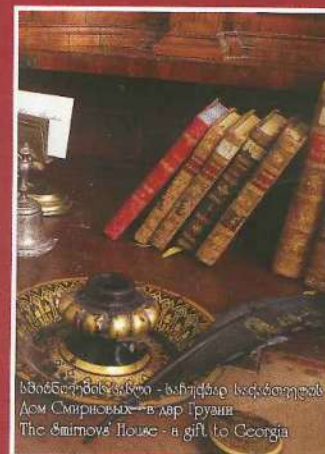
Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

На обложке - памятник А.М. Горькому в Тбилиси.
Фото Александра СВАТИКОВА

Использован фотоматериал
из открытого доступа в Интернете

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

Владимир Головин — поэт, журналист, лауреат премии Союза журналистов Грузии, призер VIII Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 2016». Член Союза писателей Грузии, заместитель редактора журнала «Русский клуб». Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете Russian bazaar (США), различных изданиях Израиля и России. В 2006-2011 годах — главный редактор самой многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект». Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг очерков «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги», девяти книг в серии «Русские в Грузии». Стихи и переводы напечатаны в сборниках и альманахах «Иерусалимские страницы» (Израиль), «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии», «Плеяда Южного Кавказа» и «Перекрестки» (Грузия), «Окна», «Путь дружбы», «Крестовый перевал» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Кавказский экспресс» (Россия).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

VTB

